

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля.

XII.

Быть можетъ, ни одинъ родъ дѣятельности не представляетъ такого разнообразія живого матеріала, какъ публичная судебная дѣятельность. Она ставитъ лицомъ къ лицу съ судьей, прокуроромъ и присяжнымъ засѣдателемъ обвиняемаго и подсудимаго. Волны жизни выбрасываютъ въ судъ массу свидѣтелей со всѣмъ разнообразіемъ ихъ общественнаго положенія, міросозерцанія, образованія, темперамента и способа выразиться;—предъ судьями плачется на свои обиды потерпѣвшій, и защищаетъ свое право частный обвинитель—и, наконецъ, предъ ними вѣщаютъ техническое знаніе и наука въ лицѣ „свѣдущихъ людей“.

Безъ сомнѣнія, самымъ интереснымъ изъ упомянутаго живого матеріала являются *свидѣтели*. Ихъ можно разбить на группы и классифицировать, при чемъ къ показаніямъ и личности ихъ можно относиться гораздо болѣе непосредственно и довѣрчиво, чѣмъ къ обвиняемымъ и ихъ объясненіямъ. Новизна положенія, обстановка судебного засѣданія и, наконецъ, отзвуки былого народнаго страха предъ судомъ оказываютъ внѣшнее и часто поверхностное вліяніе на свидѣтеля, не касаясь его показанія. Иначе обстоитъ дѣло съ *обвиняемымъ* или *подсудимымъ*. Для свидѣтеля исходъ дѣла по большей части безразличенъ; для обвиняемаго въ этомъ исходѣ заключается

грозная возможность потери добраго имени, общественнаго положенія и вѣроятность принудительнаго, иногда тяжкаго лишенія свободы. Поэтому понятно, что онъ волнуется, что въ большинствѣ случаевъ нервы его напряжены до крайности, что онъ нерѣдко впадаетъ въ состояніе *панофобіи*, т. е. боязни всего и всѣхъ,—и что поэтому его объясненія, за очень рѣдкими исключеніями, проникнуты желаніемъ обѣлить себя съ ущербомъ для правды. Но въ рядѣ случаевъ событіе преступленія и связь съ нимъ обвиняемаго до такой степени ясны и очевидны, что отрицаніе послѣднимъ своей виновности являлось бы безцѣльною и безплодною ложью. Здѣсь сама собою возникаетъ необходимость признанія своей вины для обвиняемаго передъ слѣдователемъ и для подсудимаго предъ судомъ. Я уже говорилъ, что въ нашемъ старомъ отжившемъ уголовномъ судопроизводствѣ собственное признаніе считалось „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“ и играло рѣшающую роль при разсмотрѣніи дѣла. Нашъ новый уголовный процессъ, кладя въ основу рѣшенія внутреннее убѣжденіе судьи, выдвинулъ на первый планъ совокупность косвенныхъ уликъ и отвелъ настоящее мѣсто собственному признанію обвиняемаго, придавая ему значеніе доказательства исключительно въ томъ случаѣ, если оно подтверждается обстоятельствами дѣла. Такимъ образомъ создалась широкая возможность критическаго отношенія къ собственному признанію обвиняемаго и подсудимаго. И дѣйствительно, каждый опытный судебный дѣтель знаетъ какъ разнородны по побужденіямъ и содержанію собственныя сознанія въ совершеніи преступленія, начиная отъ явки съ повинной къ властямъ и кончая сознаніемъ, вынужденнымъ неотразимостью обвиненія. Случай такъ называемаго чистосердечнаго и искренняго признанія въ сущности чрезвычайно рѣдки. Ихъ приходится, по большей части, наблюдать уже послѣ того какъ произнесенъ обвинительный приговоръ.

Отрицаніе своей виновности обыкновенно выражается двояко. Если совершитель не застигнутъ съ поличнымъ, не захваченъ на мѣстѣ преступленія, не пойманъ или не найденъ со свѣжими неопровержимыми слѣдами послѣдняго или не изобличенъ въ непосредственномъ пользованіи его плодами, то онъ упорно отрицаетъ всякое свое отношеніе къ событію преступленія. Если же наоборотъ такое отношеніе слишкомъ явно и осязательно, то свои объясненія онъ строитъ такъ, чтобы этому отношенію придать наиболѣе благопріятный для себя и мягкій характеръ. Такимъ образомъ при убійствѣ съ заранѣе обдуманвымъ намѣреніемъ и умысломъ обвиняемый сознается лишь въ умышенномъ убійствѣ, мысль о которомъ возникла у него внезапно, не давъ ему одуматься

и отвергнуть ее соблазны; при обвинении в убийстве умышленном старается придать своим действиям характер гнева, вызванного раздражением, виною которого был сам потерпевший; обвинению в запальчивости противопоставляет простую неосторожность и в крайнем случае состояние необходимой обороны и т. д. Этим своего рода торговля с правосудием содействует по большей части обучение в так называемой тюремной академии, т. е. пребывание в предварительном заключении среди неоднократных тюремных сидельцев и рецидивистов. Там проходит опытный курс отрицания своей виновности, и делаются ссылки на практическую и испытанную полезность его, при чем преподавателям этого предмета дается со стороны учеников обыкновенно больше веры, чем указаниям добросовестного защитника на значение собственного признания для смягчения наказания при несомнительности вины. Призванный к следствию *подозрваемый* обыкновенно признается в том, в чем сознаться неизбежно, и тогда его привлекают, как *обвиняемого*. В этом положении, теряя надежду выпутаться из дела, он сознается больше или меньше подробно. Затем следует, к сожалению слишком щедро практикуемое, взятие под стражу. Здесь дело его, иногда задолго до судебного заседания, разсматривается бывальными людьми, и под влиянием их советов и ободрений предъ ним снова возникает надежда и даже уверенность уйти от осуждения. Представъ предъ судомъ въ качествѣ *подсудимаго*, онъ, по выслушаніи обвинительнаго акта, на традиціонный вопросъ предсѣдателя: „признаете ли вы себя виновнымъ?“—отвѣчаетъ уже отрицательно.

Мнѣ вспоминается, въ процессѣ о поддѣлкѣ акціи Тамбовско-Козловской дороги, подсудимый акушеръ Колосовъ, злой гений остальныхъ подсудимыхъ и нѣкоторыхъ свидѣтелей по этому дѣлу, соблазнитель и глубокій развратитель доверившейся ему дѣвушки, съ отталкивающимъ цинизмомъ объяснявшій непонятное слово „*lagetalis*“ въ своемъ дневникѣ,—вравившій въ поддѣлку молодого поляка Ярошевича и хитраго осторожнаго старика доктора Никитица, бібліотекаря медико-хирургической академіи. Боясь, что онъ предать ихъ обоимъ вслѣдствіе ссоры съ Ярошевичемъ на почвѣ любовнаго соревнованія, Никитинъ затѣялъ его отравить и снабдилъ на этотъ предметъ Ярошевича ядомъ. На судѣ Колосовъ—представитель мелкой хитрости и обыденнаго опыта,—не могъ отрицать своихъ побѣдокъ въ Брюссель и сношеній съ жившими тамъ лицами, съ замѣчательнымъ искусствомъ поддѣлавшими тамъ акціи,—но, сознаваясь въ этомъ, сочинилъ довольно неискусно длинный рассказъ, въ которомъ хотѣлъ приписать себѣ роль, похожую на роль совре-

меннаго намъ Азефа. Вкрадчивымъ голосомъ, прищуривая маленькіе глазки на измятомъ лицѣ, онъ увѣрялъ присяжныхъ, что ѣздилъ за границу съ цѣлью изобличить русскихъ политическихъ эмигрантовъ, при чемъ раздѣлялъ ихъ на двѣ категоріи: *шаткиихъ*, совершающихъ *политическія* преступленія, и *мошенниковъ*, совершающихъ *соціальныя*. Въ числѣ послѣднихъ онъ собирался выслѣдить—*excusez du peu!*—Карла Маркса и достать откуда-то два чрезвычайно важныхъ, но довольно неопредѣленныхъ, документа, названныхъ имъ „коммуной, которая хуже парижской“, и „планомъ бѣгства изъ Сибири“. Присяжные ему, однако, не повѣрили.

Гораздо товѣше и искуснѣе было сознаніе ряда подсудимыхъ въ дѣлѣ о лжеприсягѣ въ бракоразводномъ процессѣ З—ныхъ. Въ январѣ 1873 года ко мнѣ, какъ къ прокурору Петербургскаго Окружнаго Суда, пришла довольно пожилая женщина, съ сильной просѣдью и измученнымъ лицомъ. Это была дочь извѣстнаго въ николаевскія времена генерала П., главнаго заправила въ дѣлахъ инвалиднаго капитала. Онъ далъ за нею очень большое приданое, но таковое затѣмъ было конфисковано, когда обнаружилось, что роскошная жизнь генерала и его большіе расходы имѣли источникомъ суммы инвалиднаго капитала. Потерявъ разжалованнаго въ солдаты отца, застрѣливавшагося подлѣ вліяніемъ позора, г. З—на потеряла и мужа, который, непривлекаемый болѣе возможностью жить на широкую ногу на краденыхъ у инвалидовъ деньги, сталъ отъ нея отдаляться, завелъ разныя связи и, наконецъ, бросилъ еѣ съ сыномъ на произволь судьбы, безъ всякихъ средствъ, начавъ, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, требовать отъ нея развода съ принятіемъ ею вины на себя. Когда, возмущенная этимъ требованіемъ, она категорически отказалась его исполнить,—въ Консistorіи, по ходатайству ея мужа, занимавшаго видное мѣсто въ судебномъ вѣдомствѣ, возникло дѣло о ея прелюбодѣяннѣ. Свидѣтели послѣдняго, г.г. Залѣвскій и Грохольскій, дали подлѣ присягой подробныя показанія о томъ, что присутствовали при той грязной картинѣ, которую, къ стыду нашихъ законовъ о духовномъ судѣ, необходимо было изобразить предъ Консistorіей, чтобы расторгнуть ставшіи невыносимыми или невыгодными брачныя узы. Оскорбленная и испуганная этимъ, г-жа З—на обратилась ко мнѣ за помощью. Хотя предо мною было одно лишь ея заявленіе, но видъ несчастной, опозоренной женщины, ея слезы и горячая искренность ея негодованія убѣдили меня въ правдивости ея разсказа—и я немедленно сообщалъ въ Синодъ, куда уже было переслано изъ Консistorіи дѣлопроизводство о расторженіи брака—о томъ, что мною возбуждено слѣдствіе о влѣтво-преступленіи свидѣте-

лей. Это слѣдствіе велось весьма энергично—и вскорѣ предъ присяжными предстала живая иллюстрація одного изъ частыхъ злоупотребленій, вызываемыхъ незлѣпымъ и приводящимъ къ безнравственнымъ послѣдствіямъ порядкомъ осуществленія развода, вслѣдствіе прелюбодѣвія,—порядкомъ, при которомъ нерѣдко великодушіе обрекалось на позорную плотскую комедію, а низость и подлость находили себѣ „достоувѣрныхъ“ помощниковъ. Подсудимые — организаторъ всего — Хороманскій и свидѣтели Залевскій и Грохольскій—не смущаясь предъявленнымъ къ нимъ обвиненіемъ, избрали для своей защиты очень ловкій маневръ. Они поняли, что внушающая къ себѣ довѣріе и почтительное состраданіе личность г-жи З—ой и всѣ имѣвшіяся о ней свѣдѣнія—лишаютъ ихъ всякой возможности утверждать, что именно *ее*, эту пожилую, сѣдѣющую и согбенную подъ тяжестью пережитаго женщину, видѣли они въ „бракоразводной“ гостиницѣ „Роза“ на фактъ нарушенія супружеской вѣрности. И вотъ, не отрицая дѣйствительности того, что они развязно и убѣжденно показали подъ присягой въ Конституціи, они признали себя жертвой роковой ошибки, за которую ихъ, будто бы, „наказуетъ совѣсть“. Дѣло, по ихъ словамъ, произошло такъ: въ театрѣ нѣкто Карповичъ показалъ Залевскому на даму, сидѣвшую въ бель-этажѣ, и сказалъ, что это дочь знаменитаго расхитителя инвалиднаго капитала П-го, по мужу З—на; Залевскій обратилъ на нее вниманіе Грохольскаго, и подъ этимъ впечатлѣніемъ они пошли въ гостиницу „Роза“, чтобы „выпить и закутить“. Здѣсь, по ошибкѣ, они поцали въ отдѣльные номера, предназначенные для уединенныхъ свиданій, и увидѣли тамъ ту, которую въ театрѣ разсматривали, какъ З—ну, за занятіемъ, обычнымъ въ такихъ номерахъ въ полночные часы. О своемъ „открытіи“ они рассказали нѣкому Корзуну, а тотъ сообщилъ чуткому къ своей супружеской чести З—ну, и послѣднему ничего не оставалось, какъ обратиться къ „бракоразводному ходатаю“ Хороманскому, который и выставилъ указанныхъ Корзуномъ свидѣтелей—т. е. ихъ, бѣдныхъ подсудимыхъ, понавшихъ, „какъ куръ во щя“, ибо, по предъявленіи имъ г-жи З—ной, они рѣшительно заявили, что она — *не та*... Оказалось, что „къ несчастью для правосудія“—Карповичъ умеръ и не могъ предстать предъ судомъ, чтобы объяснить, на какомъ основаніи онъ ввелъ подсудимыхъ въ столь пагубное для нихъ заблужденіе. Не смущаясь этимъ, они сослались на свидѣтеля Иванцкаго, который слышалъ, какъ Карповичъ въ театрѣ указывалъ Залевскому на даму, сидѣвшую въ бель-этажѣ, и удостоувѣрилъ, что это именно З—на. При этомъ подсудимые объяснили суду и свое общественное положеніе: Залевскій, какъ приготовляю-

щійся окончить курсъ въ Технологическомъ Институтѣ, Грохольскій, какъ играющій на фортепьяно въ „разныхъ мѣстахъ“ и Хороманскій, какъ занимающійся тѣмъ, что скоро собирается уѣхать изъ *Петербурга*... Ивацкиій, мелкій канцелярскій чиновникъ Министерства Путей Сообщенія, подтвердилъ на судѣ, что онъ слышалъ, какъ умершій Карюничъ въ театрѣ показывалъ одному изъ подсудимыхъ сидѣвшую въ ложѣ даму, называя ее по фамиліи невинно опозоренной женщины. Показаніе было дано определенно и съ горячностью человека, будто бы сознающаго, что, свидѣтельствуя истину, онъ спасаетъ людей отъ гибели. Однако приближенная судьбою паружность свидѣтеля, его засаленный вицъ-мундиръ, обтрещанныя панталоны, отсутствіе видимыхъ признаковъ бѣлья и нервное перебранье старой форменной фуражки дрекающими, невидимому не отъ одного волненія, руками невольна вызвали съ моей стороны рядъ вопросовъ.—Что давали въ театрѣ? — Оперу.—Какую—итальянскую, или русскую? — Итальянскую. — Гдѣ происходилъ слышанный разговоръ?—Въ проходѣ у третьяго ряда кресель.—А вы сами часто бываєте въ оперѣ?—Да.—А въ какомъ ряду сидите—далеко или близко?—Какъ придется,—такъ, во второмъ или третьемъ.—Вы абонированы?—Что-съ?—Ну, сколько платите за мѣсто? (тогда иѣла Партти, и мѣста доставались по очень дорогой цѣнѣ).—Когда рубль, а когда и полтора.—А сколько получаете по службѣ канцелярскимъ чиновникомъ?—Двадцать три рубля.—А въ какомъ театрѣ это было (итальянскія оперы давались въ Петербургѣ исключительно въ Большомъ театрѣ, гдѣ нынѣ зданіе консерваторіи)? Большомъ или Маріинскомъ?—Въ *Маріновскомъ*... Свидѣтель сѣлъ на мѣсто, бросая безпокойные взгляды на скамью подсудимыхъ, а я посоветовалъ присяжнымъ обойтись безъ его показанія, такъ какъ свидѣтель имѣетъ слишкомъ необыкновенныя качества, чтобы пользоваться его разсказомъ при обсужденіи обыкновеннаго дѣла: онъ обладаетъ удивительнымъ свойствомъ дальновзоркости, и для него до такой степени не существуетъ непроницаемости, что изъ 2-го или 3-го ряда кресель Маріинскаго театра онъ видитъ, кто сидитъ въ бель-этажѣ Большаго...

Источникомъ собственнаго признанія на судѣ бывають, конечно, побужденія, вытекающія изъ особаго душевнаго строя. Сюда, во-первыхъ, относится та явка съ повинной, къ которой въ великодушномъ порывѣ прибѣгаетъ человекъ для того, чтобы спасти близкое или дорогое лицо, давъ ему время скрыться или бѣжать—или направивъ изслѣдованіе преступленія на ложный путь. Такіе случаи очень рѣдки, но все-таки существуютъ, и мнѣ въ моей предѣдательской практикѣ пришлось видѣть мать, которая приши-

мала на себя вину своего вибращаго сына, заподозриваго въ убійствѣ посредствомъ отравленія. Затѣмъ собственное признаніе можетъ быть дѣлаемо изъ личныхъ видовъ, не лишенныхъ корысти или другихъ расчетовъ для того, чтобы по пословицѣ „семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“, собравъ надъ своей головою рядъ поглощающихъ одно другое обвиненій, освободить отъ преслѣдованія дѣйствительно виновныхъ. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, при производствѣ слѣдствій о лицахъ, оказавшихся оскопленными, большинство послѣднихъ приводило въ объясненіе своего увѣчья одинъ и тотъ же рассказъ о томъ, какъ каждый изъ нихъ шелъ лѣсомъ въ одной изъ великорусскихъ губерній, встрѣтилъ неизвѣстнаго, разговорился съ нимъ и расположился вмѣстѣ закусить, при чемъ выпилъ предложенной тѣмъ стаканъ водки, вина, воды или съѣлъ пряникъ и тотчасъ же потерялъ сознаніе, а когда пришелъ въ себя, то почувствовалъ страшную боль и съ ужасомъ увидѣлъ, что лишенъ неизвѣстнымъ спутникомъ вполне или отчасти половыхъ органовъ, т. е. невѣдомо для себя пріялъ скороческую малую или большую печать, а оскопитель скрылся. Вслѣдъ за этимъ содержавшійся въ Курской тюрьмѣ престантъ-сконецъ, обвиняемый въ рядѣ оскопленій и не только сознавшійся въ этомъ, но даже явившійся съ повинною, заявлялъ, что онъ припоминаетъ еще, что тамъ-то и тамъ-то онъ опоялъ соннымъ зельемъ или предложеннымъ отравленнымъ пряникомъ встрѣчнаго человѣка и оскопилъ его *ad majorem gloriam* „батьюшки-искупителя Седиванова“. Время преступленія совпадало обыкновенно съ временемъ несчастія, пріключившагося бѣдному прохожему или проѣзжему. Между послѣднимъ и Курскимъ тюремнымъ свидѣльцемъ дѣлали одну ставку, и они узнавали другъ друга. При недостаточно выработанной экспертизѣ того времени, дѣло кончалось обыкновенно оправданіемъ оскопленнаго, а принявшій вину на себя продолжалъ свои признанія, спокойно проживая въ Курскомъ острогѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ не отправляясь въ Сибирь въ виду постоянно возникавшихъ о немъ новыхъ дѣлъ. Таковъ былъ отставной солдатъ Масловъ, сознавшійся въ 114 оскопленіяхъ. Онъ замѣтилъ мѣщанина Чернова, принесшаго разновременно повинную въ приобщеніи къ „бѣлымъ голубямъ“ 106 оскопленныхъ имъ. Есть, наконецъ, между послѣдователями крайнихъ и мрачныхъ сектантскихъ ученій, въ родѣ морельщиковъ, самосожигателей, бѣгуновъ, люди, считающіе, что Царствіе Небесное можетъ быть достигнуто только тяжкими и незаслуженными земными испытаніями, и потому ищущіе „пріяты страданіе“, возводи на себя небывалыя преступленія или обвиняя себя въ совершеніи преступленія, несомнѣнно содѣяннаго другими. Я помню одного такого старца

принадлежавшаго къ селѣ бѣгуновъ или странниковъ такъ называемаго софѣлковскаго согласія, который, будучи задержанъ въ Казани, возводилъ на себя разныя преступленія, съ угрюмымъ упорствомъ отвергая твердо установленныя данныя, указывавшія на его невиновность. Внизу протоколовъ своихъ показаній онъ писалъ полууставомъ: „за истинную православную христіанскую вѣру рабъ Божій Іона Воробьевъ руку приложилъ“.

Мнѣ приходилось раза два наблюдать собственное сознание подъ вліяніемъ отчаянія. Такъ, тотъ Ярошевичъ, о которомъ сказано выше, человекъ способный и въ сущности недурной, вовлеченный въ преступленіе своимъ отцомъ и Колосовымъ, упорно и весьма искусно отрицалъ свою виновность въ провозѣ поддѣльныхъ акцій и въ приготовленіи къ отравленію Колосова. Но когда ему показали переписку дѣвушки, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ, съ Колосовымъ, и онъ убѣдился, что она не только играла его чувствомъ и надсмѣхалась надъ нимъ въ своихъ письмахъ, но даже состояла въ связи съ грязнымъ и подозрительнымъ Колосовымъ, онъ впалъ въ глубокое отчаяніе, и у него вмѣстѣ со слезами горькой обиды, вылилось откровенное во всемъ признаніе, на которомъ онъ и стоялъ до конца процесса.

Отсылая моихъ читателей къ характерному поведенію подсудимыхъ по дѣламъ Овсянникова, Ландсберга, Гулакъ-Артемовской и Жюжанъ¹⁾, считаю нужнымъ замѣтить, что *поведеніе* подсудимыхъ при слѣдствіи и на судѣ бываетъ различно не только въ зависимости отъ значенія ихъ объясненій, но и отъ свойствъ ихъ характера. *Одни* махаютъ на все рукой и какъ бы говоря „будь, что будетъ“, вяло реагируютъ на то, что передъ ними и съ ними происходитъ. *Другіе* держатъ себя вызывающе, съ извѣстнаго рода бравадой или рисовкой. *Третьи*—сравнительно рѣдкіе—принимаютъ живое участіе въ перекрестномъ допросѣ и вступаютъ въ словесную борьбу со свидѣтелями. *Четвертые* играютъ званіе обдуманную роль и даютъ объясненія, проникнутыя такимъ ловкимъ лицемѣріемъ, которому могъ бы позавидовать Тартюфъ. Наконецъ *пятые*, относясь въ общемъ равнодушно или со спокойной сдержанностью къ своему положенію въ дѣлѣ, вдругъ приходятъ въ волненіе и теряютъ самообладаніе по поводу какого-либо второстепеннаго и не имѣющаго особаго значенія эпизода. Я говорю, конечно, объ общихъ преступленіяхъ, а не о людяхъ, обвиняемыхъ въ политическихъ или религіозныхъ преступленіяхъ. Тамъ ихъ душевный строй и взглядъ на значеніе судѣннаго совѣмъ иной, чѣмъ у обвиняемыхъ въ обыкновенныхъ пре-

1) „Русская Старина“ 1907 и 1908 г.г.

ступленіяхъ, не расходящихся съ уголовнымъ закономъ и обществомъ во взглядѣ на преступный характеръ тѣхъ или другихъ дѣйствій. Все сводится у послѣднихъ къ отрицанію событія преступленія или своей виновности или, наконецъ, къ стремленію картиной собственныхъ страданій или испытаній заслонить картину своего преступнаго дѣла. Наоборотъ, въ дѣлахъ о преступленіяхъ политическаго или религіознаго характера, обвиняемые въ большинствѣ случаевъ отрицаютъ цѣли, требованія и самый источникъ карающаго ихъ уголовного закона. Они даютъ свои объясненія со страстностью убѣжденія въ своей правотѣ въ дѣлахъ перваго рода или съ отѣвкомъ мрачнаго фанатизма, не допускающаго возможности поступить „иначе“—въ дѣлахъ втораго рода. Говоря о поведеніи обвиняемаго на судѣ, я, конечно, разумѣю исключительно людей, находящихся въ здоровомъ умѣ, потому что образъ дѣйствій людей, оказавшихся затѣмъ душевно-больными — такъ называемыми маниакама, т. е. страдающими первичнымъ помѣшательствомъ (параноя), внушается имъ болѣзненными представленіями. У этихъ несчастныхъ по большей части является сначала навязчивая идея, чуждая здоровой оцѣнки обстоятельствъ и дикая по своему существу. Она возникаетъ все чаще и чаще и пріобрѣтаетъ, наконецъ, насильственно-навязчивый характеръ. Затѣмъ человекъ мало-помалу сживается съ нею, теряетъ способность относиться къ ней критически и отдается во власть безумному представленію. Это представленіе составляетъ ядро бреда, вокругъ котораго начинаютъ группироваться всѣ мысли больного, и создается такимъ образомъ безумный кругъ идей, т. е. цѣлое міросозерцаніе. Здѣсь изслѣдователь преступленія и обвиняемый стоятъ не только на разныхъ плоскостяхъ пониманія дѣйствій и побужденій послѣдняго, но и на разныхъ плоскостяхъ представленія о существующемъ въ окружающемъ ихъ мірѣ.

Изъ среды обвиняемыхъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ мнѣ вспоминаются Егоръ Емельяновъ—номерной банщикъ по ремеслу—утопившій свою наскучившую ему жену въ Ждаповкѣ, и мѣщанинъ Карагановъ, — выдававшій себя за владѣтельнаго кавказскаго князя, женившійся на прекрасной молодой дѣвушкѣ изъ лучшаго харьковскаго общества и принятый съ большимъ вниманіемъ русскимъ посломъ въ Константинополь, — обвинявшійся въ цѣломъ рядѣ грубѣйшихъ мошенничествъ. Оба они держали себя со свидѣтелями, такъ сказать, зубъ за зубъ; первый даже покрикивалъ на нихъ, при чемъ его очень красивое лицо блѣднѣло и искажалось отъ злобы. Замѣчательно, что, защищаясь „*unguibus et rostro*“ противъ моего обвиненія, построеннаго

на косвенныхъ уликахъ, онъ, послѣ произнесенія обвинительнаго приговора, подалъ заявленіе, въ которомъ совершенно неожиданно, сознаваясь въ своемъ преступленіи, отказался отъ кассаціонной жалобы и просилъ о скорѣйшемъ приведеніи приговора въ исполненіе.

Изъ державшихъ себя съ напускною бравадой, мнѣ особенно воспоминается мѣщанка Разомасцева, обвинившаяся въ кражѣ цѣпи ордена Андрея Первозваннаго у военнаго министра Милютина и въ кражѣ нѣсколькихъ карманныхъ часовъ (между которыми находилась часы, бывшіе па Александрѣ I въ день Аустерлицкаго сраженія) изъ стѣнной витрины въ кабинетъ великаго князя Константина Николаевича, въ Мраморномъ Дворцѣ. Въ оба помещенія она успѣла проникнуть по внутреннимъ ходамъ, вѣкъмъ незамѣченная, и благополучно скрыться, будучи обнаружена лишь черезъ нѣсколько дней, когда пришла продавать часы Александра I въ часовой магазинъ Буре. Бойкая дѣвушка двадцати двухъ лѣтъ, съ милостивымъ лицомъ, большими живыми черными глазами и постоянной веселой усмѣшкой, она, улыбаясь, рассказывала про свои похиженія, остроумно описывая свое изумленіе при видѣ, какъ мало охраняются отъ постороннихъ входы и выходы „въ такіе-то важные дома“. „Ну какъ тутъ было не взять?“ прибавляла она со смѣхомъ: „ужь очень оно лестно“.—Во время осмотра, по ея указаніямъ, пути, которымъ она проникла въ кабинетъ великаго князя въ Мраморномъ Дворцѣ и въ уборную военнаго министра, ея объясненіе пожелалъ выслушать августѣйшій хозяинъ дворца, и на вопросъ его, какъ у нея хватило смѣлости проникнуть въ кабинетъ, куда онъ могъ войти каждую минуту и застать ее на кражѣ, она отвѣтила, смѣясь: „смѣлымъ Богъ владѣеть“, и пояснила: „кабы изволили войти до этихъ самыхъ часовъ, такъ и бы сказала, что заблудилась по лѣстницамъ и попросила извиненія, а если бы послѣ часовъ, такъ то же самое сказала бы, да и ушла бы съ часами. Можетъ быть, даже лакея меня проводить послали бы: вѣдь не стали бы смотрѣть на стѣну, вѣѣ ли тамъ часы. Ну, а когда я ихъ брала, такъ въ кабинетъ никого не было“. Эти же объясненія повторила она и въ судебномъ засѣданіи, постоянно посмѣиваясь и весело поглядывая на публику.

Напускное спокойствіе и извѣстнаго рода молодечество подсудимаго воспоминаются мнѣ и по дѣлу молодого человека Александра Штрама, обвиняемаго въ убійствѣ своего дяди, съ цѣлью грабежа. На судѣ онъ чрезвычайно развязно, посмѣиваясь и покручивая усики, рассказывалъ, не безъ оттѣнка комизма, выдуманную

имъ исторію ссоры съ убитымъ, котораго онъ въ дѣйствительности убилъ соннаго, разрѣзалъ на куски и спряталъ въ сундукъ. Показанія свидѣтелей онъ слушалъ, прощически пожимая плечами и стараясь показать, что ему все равно. На немъ сказывалось вліяніе кружка разныхъ темныхъ личностей, между которыми особенно выдѣлялся допрошенный въ качествѣ свидѣтеля, опустившійся „на дно“ бывшій студентъ, принимавшій, по его словамъ, подъ свое покровительство развитыхъ молодыхъ людей и дававшій имъ аудіенціи въ кабакахъ „покуда не изсыхнутъ источники“. А между тѣмъ, находясь въ ученѣ у переплетнаго мастера Бремера, подсудимый былъ старательнымъ, скромнымъ и любимымъ всеми юношей очень мягкаго характера и отличался большимъ состраданіемъ даже къ животнымъ. Въ судебномъ засѣданіи Бремеръ дрожащимъ голосомъ описалъ всѣ эти его свойства и тономъ невольной нѣжности заявилъ, что просто не можетъ повѣрить, чтобы такой добрый молодой человѣкъ могъ совершить такое злое дѣло. Подсудимый слушалъ его отзывы о себѣ съ презрительной усмѣшкой и на вопросъ председателя, желаетъ ли онъ дать какія-либо объясненія по поводу показанія свидѣтеля, отвѣтилъ, пожимая плечами: „да что жъ тутъ объяснять? Мало ли чего не наболтаетъ старикъ“, и снова сѣлъ на свою скамью. Но когда судебный приставъ пошелъ за новымъ свидѣтелемъ, и въ залѣ наступило молчаніе, онъ вдругъ склонилъ голову на руки и горько заплакалъ. Очевидно, что слова добраго вѣнца пробудили въ его ожесточенномъ сердцѣ лучшія чувства. И затѣмъ онъ не сразу попалъ въ тонъ прежняго молодечества.— „Принципіально, я не желаю бы быть наказанъ, но въ данномъ конкретномъ случаѣ ничего не имѣю противъ“, сказалъ въ своемъ послѣднемъ словѣ одинъ изъ рисовавшихся своимъ объективнымъ отношеніемъ къ самому себѣ подсудимый, обвинявшійся въ присвоеніи себѣ чужого титула и фамиліи.— Въ дѣлѣ о расхищеніи имущества умершаго богатаго купца Солодовникова, оскопленнаго въ дѣтствѣ своимъ дядей и страдавшаго отъ этого нравственно и физически всю жизнь, подсудимый Суслениковъ, лицемѣрно удивлявшійся своему привлеченію и повѣствовавшій съ поддѣльнымъ умленіемъ о нѣжной любви къ себѣ покойнаго,—съ которымъ онъ однако ничего не могъ имѣть общаго въ духовномъ отношеніи,—на вопросъ о причинахъ такой дружбы отвѣчалъ, что таковая заключалась въ томъ, что у него очень мягкія руки, удобныя и пріятныя для растираній. Кончая свою обвинительную рѣчь, я выразилъ увѣренность, что присяжные признаютъ Сусленикова имѣющимъ руки не только мягкія, но и длинныя,—и эта увѣренность меня не обманула.

И говорилъ выше, что бываютъ, наконецъ, отдѣльные эпизоды во время слушанія дѣла, когда обвиняемый, державшій себя спокойно или безучастно на судѣ, вдругъ начинаетъ волноваться или раздражаться и терять свое самообладаніе. Таково было уже описанное мною ¹⁾ волненіе Гулакь-Артемовской во время ядовитаго показанія противъ нея свидѣтеля Полеваго. Нѣчто подобное произошло на моихъ глазахъ въ процессѣ Янсенъ и Акаръ, обвиняемыхъ въ привозѣ въ Россію изъ-за границы и сбытѣ фальшивыхъ десятирублевыхъ ассигнацій. Ермянія Акаръ, бойкая французка, содержала въ Михайловской улицѣ въ домѣ, гдѣ нынѣ Европейская гостиница, обширный магазинъ и мастерскую дамскихъ платьевъ и имѣла многочисленныхъ великосвѣтскихъ заказчицъ, сбывая имъ при разсчетахъ, во время любезной болтовни, фальшивыя бумажки, фабрикуемыя Янсенами за границей и привозимыя курьеромъ французскаго посольства Обри. Она упорно отрицала свою вину и защищалась очень искусно: съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ, такъ что могла произвести впечатлѣніе несчастной жертвы случайныхъ обстоятельствъ. Но это продолжалось лишь до того времени, когда въ залу засѣданія была введена бывшая у ней мастерицей Маргарита Дозьеръ. Последняя пробыла у Акаръ три мѣсяца и, вслѣдствіе ссоры съ нею, была ею разсчитана, при чемъ молодой красивой иностранкѣ, выброшенной на улицу большого, чужого и полнаго соблазновъ города, ея бывшая хозяйка всучила въ слѣдующее по разсчету тринадцать рублей фальшивую десятирублевку. Черезъ два года послѣ этого Дозьеръ явилась въ залу суда свидѣтельствовать противъ Акаръ, блистая красотою, въ изящномъ дорогомъ нарядѣ и съ большими брилліантами въ ушахъ и на пальцахъ. Ея видъ почему-то—быть можетъ по какимъ-нибудь воспоминаніямъ о распряхъ интимнаго свойства—до того раздражилъ подсудимую, что она потеряла все свое спокойствіе, стала усиленно жестикулировать, постоянно перебивать Дозьеръ и, задыхаясь отъ гнѣва, предлагать той вопросы оскорбительнаго характера. Дозьеръ отвѣчала ей съ благодушной улыбкой и очень мягко, очевидно, давно простивъ ей эти десять рублей и быть можетъ даже считая ихъ первымъ толчкомъ къ своему настоящему эфемерному благополучію. Но Акаръ просто выходила изъ себя и въ своихъ длинныхъ и ненужныхъ объясненіяхъ указывала на такія условія и обстановку въ хозяйствѣ и „дѣлопроизводствѣ“ своей мастерской, которыя составляли сами по себѣ улику *противъ нея самой*.—Таковъ же былъ въ своихъ пока-

¹⁾ „Русская Старина“ 1908 г.

заніяхъ Амфилогій Карагановъ, привлеченный къ суду вмѣстѣ съ братьями Мясниковыми за подлогъ завѣщанія отъ имени Бѣляева, въ чемъ онъ и сознался. Кратко и безъ всякихъ подробностей признавалъ онъ свою вину въ томъ, что на предъявленномъ ему Мясниковыми бѣломъ листѣ поддѣлалъ, послѣ нѣсколькихъ пробъ, подпись Бѣляева и апатично относился ко всему во время длившагося много дней дѣла, очень волновавшаго общество. Но лишь ему или кому-либо другому приходилось упомянуть о его семейной жизни съ хористкою, бывшею прежде на содержаніи у одного изъ его патроновъ, какъ онъ приходилъ въ крайнее волненіе, начиная со слезамя и безсвязно твердить, что онъ всегда былъ человѣкомъ честнымъ, вѣрнымъ своимъ хозяевамъ и никогда не торговавшимъ жевцами, ни своими, ни чужими. Очевидно, что воспоминаніе о семейной жизни и предшествующемъ ей бракѣ будило въ немъ какія-то болѣзненные и бѣдкія воспоминанія, овладѣвавшія его мыслью и словомъ.

Былъ однако и случай нѣсколько противоположнаго характера. Судился въ Петербургѣ крестьянинъ Ѳедоръ Дмитріевъ по обвиненію въ умышенномъ поджогѣ своей мелочной лавки съ цѣлью полученія страховой преміи. Какъ всегда въ дѣлахъ о поджогахъ, обвиненіе строилось на косвенныхъ уликахъ, которыя складывались противъ подсудимаго въ довольно неразрывную цѣпь. Человѣкъ робкій и повидимому большой тяжкодумъ, она на судѣ только вздыхалъ и крестился, а на предложенія мои, какъ предсѣдателя, дать объясненія по поводу тѣхъ или другихъ показаній говорилъ: „Не виновать, вотъ вамъ крестъ святой! Объяснить ничего не могу, просто словно навожденіе какое“. Совершенно неожиданно одинъ изъ свидѣтелей упомянулъ о большомъ ежѣ, который жилъ у подсудимаго въ лавкѣ, и дальнѣйшими разспросами выяснилось, что ежъ былъ довольно ручной, рассказывалъ ночью по лавкѣ и забирался въ разныя пустыя хранилища. Оказалось также, что пожаръ начался на разсвѣтѣ въ запертой на ночь лавкѣ, съ того ея угла, гдѣ хранился большой запасъ пачекъ съ сѣрными спичками, и что никакихъ слѣдовъ матеріала для поджога найдено не было. Затѣмъ, чтеніемъ акта осмотра пожарища и допросомъ страхового агента было установлено, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ хранились сторѣвшія и обуглившіяся спички, найденъ былъ трупъ обгорѣлаго ежа. Страховой агентъ на вопросы защитника призналъ возможнымъ, что пожаръ могъ произойти отъ воспламененія спичекъ, между которыми пролѣзалъ куда-либо ежъ, задѣвая ихъ своими иглами. Съ этого момента подсудимый совершенно преобразился. Предъ нимъ мелькнула надежда на спасеніе, и онъ сталъ давать оживлен-

ныя объясненія о привычкахъ рокового для него, злополучнаго ежа. Объясненія эти создали у присяжныхъ мнѣніе о томъ, что ежъ могъ дѣйствительно быть виновникомъ пожара, и это послужило основаніемъ къ сомнѣнію въ виновности подсудимаго, а послѣднее привело къ оправдательному приговору.

Существуетъ мнѣніе, что поведеніе обвиняемаго на судѣ можетъ быть тоже относимо къ числу доказательствъ за или противъ него. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Никогда не должно забывать, что во время перваго допроса при слѣдствіи обвиняемый, а въ особенности человѣкъ, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ въ залѣ судебныхъ засѣданій, съ какимъ бы видимымъ спокойствіемъ онъ себя ни держалъ, не находится во вполнѣ нормальномъ состояніи. Естественное волненіе послѣ долгихъ мѣсяцевъ ожиданія, иногда въ полномъ одиночествѣ тюремнаго заключенія,—страхъ передъ приговоромъ,—стыдъ за себя или близкихъ и раздражающее чувство выставленности „на показъ“ передъ холодно-любопытными взорами публики—на огромное число подсудимыхъ, независимо отъ содержанія ихъ объясненій, дѣйствуетъ подавляющимъ или возбуждающимъ образомъ. Начальственный, отрывистый тонъ предсѣдателя можетъ еще больше запугать или взволновать обвиняемаго. Спокойное къ нему отношеніе, вниманіе къ его объясненіямъ, полное отсутствіе ироніи или насмѣшки, которыми такъ грѣшатъ французскіе президенты суда, а иногда и слово ободренія входятъ въ нравственную обязанность судьи, который долженъ умѣть безъ фарисейской гордыни представить себя въ положеніи подсудимаго человѣка. Говорить о поведеніи на судѣ, какъ объ одномъ изъ *доказательствъ*, невозможно. Иное дѣло, *житейское поведеніе* обвиняемаго, строго провѣренное по не возбуждающимъ сомнѣнія показаніямъ. Изученіе его на судѣ можетъ быть только полезно для правосудія, если имъ разясняются такія свойства обвиняемаго, которыми вызваны движущія побужденія его преступнаго дѣянія, или, наоборотъ, съ которыми это дѣяніе находится въ прямомъ противорѣчій. Поэтому, напримѣръ, вспыльчивость человѣка, не разъ проявленная имъ въ жизни, конечно, должна имѣть значеніе при обвиненіи его въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, или его чувственное, наглое и грубое отношеніе къ женщинамъ не можетъ быть упускаемо изъ виду при оцѣнкѣ обвиненія его въ насильственномъ поруганіи цѣломудрія дѣвушки. Но, съ другой стороны, расточительность обвиняемаго лишена всякаго значенія при обвиненіи его въ богохуленіи,—и говорятъ о его вспыльчивости при обвиненіи въ государственной измѣнѣ было бы по меньшей мѣрѣ излишне.

Переходя преимущественно къ *свидѣтелямъ* и *потерпевшимъ* отъ преступленія, я затрудняюсь часто приводить отдѣльныя ихъ показанія, несмотря на всю ихъ нерѣдкую характерность. Это заняло бы слишкомъ много мѣста и утомило бы вниманіе читателя. Поэтому приходится, на основанія многолѣтнихъ наблюденій и судейскаго опыта, ограничиться лишь повтореніемъ указаній общихъ, особенныхъ и исключительныхъ свойствъ свидѣтелей, намѣченныхъ мною въ неоднократно публичныхъ моихъ лекціяхъ о такъ называемой *экспериментальной психологіи*, которой придается преувеличенное и неосуществимое на практикѣ значеніе. Оставляя въ сторонѣ подробный разборъ приемовъ и методовъ этой новой науки въ примѣненіи ея къ свидѣтельскимъ показаніямъ, я нахожу, что среди *общихъ свойствъ* свидѣтелей, которыя отражаются не только на воспріятіи ими впечатлѣній, но и на способѣ передачи послѣднихъ, видное мѣсто занимаетъ, *во-первыхъ*, — *темпераментъ* свидѣтеля, различаемый, какъ темпераментъ *чувства* (сангвиническій и меланхолическій) и какъ темпераментъ *дѣятельности* (холерическій и флегматическій). Для опытнаго глаза, для житейской наблюдательности—эти различныя темпераменты и вызываемыя ими настроенія обнаруживаются очень скоро во всемъ: въ жестѣ, тонѣ голоса, манерѣ говорить, способѣ держать себя на судѣ. Типическое настроеніе, свойственное тому и другому темпераменту, даетъ возможность представить себѣ и отношеніе свидѣтеля къ обстоятельствамъ, имъ описываемымъ, и понять, *почему* и какія именно стороны въ этихъ обстоятельствахъ должны были привлечь его вниманіе и остаться въ его памяти, когда многое другое изъ нея улетучилось.

Во-вторыхъ, въ оцѣнкѣ показанія играетъ большую роль *полъ* свидѣтеля. Опытъ показываетъ, что чувствительность къ боли, обоняніе, слухъ и въ значительной степени зрѣніе у мужчинъ выше, чѣмъ у женщинъ, и что, наоборотъ, любовь къ жизни, выносливость, вкусъ и вазомоторная возбудимость у женщинъ выше. Вместе съ тѣмъ, у женщинъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ, развита потребность видѣть *конечные результаты* своихъ дѣяній и гораздо менѣе развита способность къ *сомнѣнію*, при чемъ доказательства ихъ увѣренности въ томъ или другомъ болѣе оцѣниваются чувствомъ, чѣмъ анализомъ. Отсюда преобладаніе впечатлительности передъ сознательною работою вниманія, соотвѣтственно ускоренному ритму душевной жизни женщины. Наконецъ, опытомъ установлено, что мужчинамъ время кажется длиннѣе дѣйствительнаго на 35⁰/₀, женщинамъ же на 111⁰/₀, а время вѣдь играетъ такую важную роль въ показаніяхъ. Въ каждомъ изъ этихъ свойствъ содержатся и основанія къ оцѣнкѣ достовѣрности показанія свидѣ-

телей, а также и потерпѣвшихъ отъ преступленія, которые часто подлежатъ допросу въ качествѣ свидѣтелей.

Въ-третьихъ — *возрастъ* свидѣтеля вліяетъ на его показаніе, особенно, если оно не касается чего-либо выдающагося. Вниманіе дѣтей распространяется на ограниченный кругъ предметовъ, но дѣтская память удерживаетъ иногда нѣкоторыя подробности съ большимъ упорствомъ. Дѣтскія воспоминанія обыкновенно обратно пропорціональны—какъ и слѣдуетъ—протекшему времени, т. е. ближайшіе факты помнятся дѣтьми сильнѣе отдаленныхъ. Наоборотъ, память стариковъ слабѣетъ относительно ближайшихъ обстоятельствъ и отчетливо сохраняетъ воспоминанія отдаленныхъ лѣтъ юности и даже дѣтства. Многіе старики съ большимъ трудомъ могутъ припомнить, гдѣ они были, кого и гдѣ видѣли наканунѣ или нѣсколько дней назадъ—и отчетливо, въ подробности, способны рассказать о томъ, что имъ пришлось видѣть или пережить десятки лѣтъ назадъ.

Въ-четвертыхъ, большой осторожности при оцѣнкѣ показанія требуетъ *поведеніе свидѣтеля на судѣ*, отражающееся на способѣ передачи имъ своихъ воспоминаній. Замѣшательство его еще не доказываетъ желанія скрыть истину или боязни быть изобличеннымъ во лжи, — улыбка и даже смѣхъ при дачѣ показанія о вовсе не вызывающихъ веселости обстоятельствахъ еще не служатъ признакомъ легкомысленнаго отношенія его къ своей обязанности свидѣтельствовать правду,—наконецъ, нелѣпыя заключенія, выводимыя свидѣтелемъ изъ рассказанныхъ имъ фактовъ, еще не указываютъ на недостоверность этихъ фактовъ. Свидѣтель можетъ страдать *навязчивыми состояніями безъ навязчивыхъ идей*. Онъ можетъ быть не въ состояніи удержаться отъ непроизвольной и неумѣстной улыбки, отъ судорожнаго смѣха (*risus sardonicus*), отъ боязни покраснѣть, именно подъ вліяніемъ которой кровь бросается ему въ лицо и уши. Надо въ этихъ случаяхъ слушать, *что* говоритъ свидѣтель, совершенно исключая изъ оцѣнки сказаннаго то, *чѣмъ оно сопровождалось*. Свидѣтель можетъ быть глухъ отъ природы, а глупость отличается отъ ума лишь количественно, а не качественно—и глупецъ прежде всего является *свободнымъ отъ сомнѣній*. Но глупость надо отличать отъ *своеобразности*, которая тоже можетъ отразиться на показаніи.

Обстановка судебного засѣданія, ея торжественность, присутствіе публики, сознаніе своей отвѣтственности и предъ закономъ, и предъ собственной совѣстью — все это можетъ иногда очень сильно отражаться на смущеніи свидѣтеля и нѣкоторой его растерянности или взволнованности. Но по этимъ его состояніямъ отнюдь не слѣдуетъ судить о недостоверности его показанія. Мнѣ пришлось самому три

раза быть свидѣтелемъ—два у Мироваго Судьи и одинъ въ Окружномъ Судѣ — и, несмотря на то, что я самъ былъ много лѣтъ Почетнымъ Мировымъ Судьею, и одинъ изъ допрашивавшихъ меня судей былъ моимъ товарищемъ по Мировому Съѣзду, и на то, что мнѣ пришлось давать показаніе въ той самой залѣ Окружнаго Суда, въ которой я самъ, въ теченіе 10 лѣтъ, допрашивалъ, въ качествѣ прокурора и предсѣдателя Суда огромное число свидѣтелей,—я былъ смущенъ и взволнованъ. Въ одномъ случаѣ дѣло шло о нарушеніи порядка въ судѣ нѣсколькими лицами, желавшими во что бы то ни стало проникнуть въ залу судебного засѣданія по дѣлу офицера Ландсберга, обвиняемаго въ убійствѣ; въ другомъ я былъ свидѣтелемъ нарушенія общественной тишины и благопристойности;—въ третьемъ мнѣ пришлось, среди жаднаго любопытства публики, отвѣчать по дѣлу о плагиатѣ въ драматическомъ произведеніи на сыпавшіеся, какъ изъ рога изобилія, вопросы повѣреннаго одной изъ сторонъ, за которыми чувствовалось желаніе получить отъ меня свѣдѣнія о происхожденіи одного изъ романовъ великаго русскаго писателя. Съ грустнымъ чувствомъ вспоминаю я характеръ допроса по второму изъ этихъ дѣлъ, когда мое смущеніе было вызвано обращеніемъ Мироваго Судьи, далекимъ отъ того, что мы, старые судебные дѣтели, привыкли видѣть въ лучшіе годы новаго суда.

Затѣмъ, свидѣтель, смущенный непривычною обстановкою судебного засѣданія или вопросами сторонъ, можетъ, въ теченіе одного и того же допроса, проявить различныя настроенія. Мнѣ пришлось обвинять въ Харьковѣ крестьянъ Лобойко и Китаева, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство содержательницы постоялаго двора Рулевой, которая заподозрѣла ихъ въ кражѣ спрятанныхъ ими у нея во дворѣ двухъ воловъ, въ чемъ она была совершенно права. Одинъ изъ подсудимыхъ сталъ на стражѣ у дверей, а другой набросился на нее сзади и нанесъ ей около двадцати ранъ, послѣ которыхъ она какимъ-то чудомъ осталась жива. На судѣ она сначала испугалась, увидя подсудимыхъ, но, выпивъ воды, ободрилась и дала толковое и точное показаніе. Защитникъ — частный ходатай съ профилемъ Шиллера, съ развязными ухватками провинціального „сердѣда“ и большимъ нахальствомъ въ исполненіи своихъ обязанностей, спросилъ ее, почему она полагаетъ, что обвиняемые хотѣли ее убить?— Да какъ же, батюшка, — отвѣчала она добродушно, — не безъ причины они меня рѣзали... Но почему вы думаете, что они хотѣли именно убить?—Рулева развела руками и молчала.—Я васъ снова спрашиваю, на чемъ вы основываете ваше *умозаключеніе*, что они имѣли намѣреніе васъ убить?—Рулева смущенно оглянулась вокругъ

и молча поникла головой.—Вы не отвѣчаете? Г-да присяжные, обратите вниманіе на то, что свидѣтельница на мои категорическіе вопросы не отвѣчаетъ. Вы молчите, свидѣтельница, вы упорно молчите... г-да присяжные, оцѣните это молчаніе! — Ахъ, отцы мои, внезапно оживившись и всплеснувъ руками, воскликнула Рулева, обращаясь къ суду, — я у *этихъ* подъ ножомъ была, а *этотъ*—и она ткнула пальцемъ въ сторону Шиллеровскаго профиля—спрашиваетъ, хотѣли ли они меня убить! Наконецъ, смущеніе свидѣтеля можетъ вызываться и его личною деликатностью и благовоспитанностью, не позволяющими ему, несмотря на настоянія допрашивающихъ, выразиться рѣзко или въ оскорбительномъ смыслѣ о комъ-либо. Я помню дѣло объ одномъ ходатаѣ по дѣламъ, обвиняемомъ въ разныхъ корыстныхъ преступленіяхъ, который защищался самъ и вызвалъ въ качествѣ свидѣтеля въ свою пользу Предводителя Дворянства, графа Ш., человека высокой порядочности. На вопросъ подсудимаго — говорилъ ли свидѣтелю о немъ одинъ его знатный довѣритель, и что именно онъ сказалъ, графъ Ш. смутился и послѣ нѣкотораго колебанія попросилъ избавить его отъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но подсудимый настаивалъ и просилъ предсѣдателя указать свидѣтелю на его обязанность давать показаніе. „Я очень просилъ бы васъ избавить меня отъ отвѣта“, отвѣчалъ все болѣе и болѣе смущаясь графъ Ш.—Нѣтъ!—воскликнулъ подсудимый—мнѣ очень важно, чтобы присяжные знали мнѣніе обо мнѣ моего многолѣтняго довѣрителя князя N. N. Я настаиваю, чтобы вы показали, что именно сказалъ онъ вамъ...“ — „Онъ сказалъ — и графъ Ш. запнулся, взглянувъ умоляюще на подсудимаго,—онъ сказалъ... но я очень прошу васъ избавить меня отъ отвѣта...“ — „Нѣтъ-съ! я требую, чтобы вы сказали,—повторилъ свое настояніе въ непостижимомъ ослѣпленіи подсудимый... — „Онъ сказалъ — и лицо графа Ш. залила краска—онъ сказалъ... что вы *мошеники!*...“

Въ-иятыхъ, наконецъ, нѣкоторые *физическіе недостатки*, дѣлая показаніе свидѣтеля одностороннимъ, въ то же время, какъ сказать, обостряютъ его достовѣрность въ извѣстномъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что у слѣпыхъ чрезвычайно тонко развиваются слухъ и осязаніе. Поэтому все, что воспринято ими этимъ путемъ, пріобрѣтаетъ характеръ особой достовѣрности. Извѣстный окулистъ Дюфуръ даже настаиваетъ на необходимости имѣть въ числѣ служащихъ на быстроходныхъ океанскихъ пароходахъ одного или двухъ слѣпорожденныхъ, которые, въ виду крайняго развитія своего слуха, могутъ среди тумана или ночью, слышать приближеніе другого судна на громадномъ разстояніи. То же можно сказать и о болѣе рѣдкихъ показаніяхъ слѣпыхъ, основанныхъ на чувствѣ

осязанія, если только оно не обращается въ болѣзненное преувеличеніе числа ощущаемыхъ предметовъ или преувеличеніе ихъ объема. Кроме того опытные изслѣдованія указываютъ на существованіе у слѣпыхъ особаго чувства, своеобразнаго и очень тонко развитаго, — *чувства пренятствій*, развивающагося независимо отъ осязанія и помимо его, вслѣдствіе повышенной чувствительности головной кожи. Когда это чувство бываетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исполнѣ установлено, ему приходится отводить видное мѣсто по отношенію къ *топографической* части показаній слѣпыхъ.

Обращаясь отъ этихъ общихъ положеній къ тѣмъ *особенностямъ вниманія*, въ которыхъ выражается разность личныхъ свойствъ и духовнаго склада людей, можно отмѣтить, въ общихъ чертахъ, нѣсколько характерныхъ видовъ вниманія, знакомыхъ, конечно, всякому наблюдательному судѣ. Отражаясь въ разсказѣ о видѣнномъ и слышанномъ, вниманіе прежде всего можетъ быть раздѣлено на *сосредоточенное* и *разстѣянное*. Вниманіе перваго рода, въ свою очередь, представляется ими сведеннымъ почти исключительно къ собственной личности созерцателя или разсказчика, или же, наоборотъ, отрѣшеннымъ отъ этой личности, которая въ ихъ передачѣ отходитъ на задній планъ. Есть люди, которые, о чемъ бы они ни думали, ни говорили, дѣлаютъ центромъ своихъ мыслей и представленій самихъ себя и проявляютъ это въ своемъ изложеніи. Для нихъ — сознательно или невольно — *все* имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку и въ чемъ оно ихъ касается. Ничто изъ окружающаго міра явленій не разсматривается ими иначе, какъ сквозь призму собственнаго я. Отъ этого маловажные сами по себѣ факты пріобрѣтаютъ въ глазахъ такихъ людей иногда чрезвычайное значеніе, а событія первостепенной важности представляются имъ лишь отрывочными строчками „изъ хроники происшествій“. При этомъ житейскій размѣръ обстоятельства, на которое устремлено такое вниманіе, играетъ совершенно второстепенную роль. Важно лишь то, какое отношеніе имѣло оно къ личности повѣствователя. Поэтому обладатель такого вниманія нерѣдко съ большею подробностью и вкусомъ будетъ говорить о вздорѣ, дѣйствительно только его касающемся и лишь для него интересномъ, — будь то вопросы сна, удобства костюма, домашнихъ привычекъ, тѣсноты обуви, сваренія желудка и т. п. — чѣмъ о событіяхъ общественной важности или историческаго значенія, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть. Изъ разсказа его всегда ускользаетъ все общее, родовое, широкое въ томъ, о чемъ онъ можетъ свидѣтельствовать — и остается, твердо запечатлѣнное въ памяти, лишь то, что задѣло его непосредственно. Въ памяти свидѣтеля, питаемой подобнымъ

вниманіемъ, напрасно искать болѣе или менѣе подробной, или хотя бы только ясной картины происшедшаго или синтеза слышаннаго и видѣннаго. Но зато она можетъ сохранить иногда цѣнныя, характеристическія для личности самого свидѣтеля, мелочи. Когда такихъ свидѣтелей нѣсколько—судьѣ приходится складывать свое представленіе о томъ или другомъ обстоятельстве изъ ихъ показаній, постепенно приходя къ уясненію себѣ всего случившагося. При этомъ необходимо бываетъ мысленно отдѣлять картину того, что въ дѣйствительности произошло на житейской сценѣ отъ подобной словоохотливости свидѣтелей. Надо замѣтить, что рассказчики съ такой памятью не любятъ выводовъ и обобщеній и, въ крайнемъ случаѣ, намѣтивъ ихъ слегка, слѣшатъ перейти къ *себѣ*, къ тому, что *они сами* пережили или ощутили. „Да! ужасное несчастіе,—говоритъ, напримѣръ, такой повѣствователь,—представьте себѣ, только что хотѣлъ я войти, какъ вижу... ну, натурально, я испугался, думаю, какъ бы *со мною*... да вспомнилъ, что вѣдь я... тогда я сталъ въ сторонкѣ, полагая, что, быть можетъ, здѣсь *мнѣ* безопаснѣе—и все *меня* такъ поразило, что, при моей впечатлительности, *мнѣ* стало“—и т. д., и т. д. Несчастіе, поразившее сразу рядъ людей, обыкновенно даетъ много такихъ свидѣтелей. Все сводится у нихъ къ описанію борьбы личнаго чувства самосохраненія съ внезапно надвинувшеюся опасностью—и этому описанію посвящается *все* показаніе, съ забвеніемъ о многомъ, чего, *несомнѣнно*, нельзя было не видѣть или слышать. Таковы были почти всѣ показанія, данныя на произведенныхъ подъ моимъ наблюденіемъ слѣдствіяхъ о крушеніи Императорскаго поѣзда въ Боркахъ 17 октября 1888 г. и о крушеніи парохода „Владиміръ“ въ августѣ 1894 г. на пути изъ Севастополя въ Одессу. У насъ, на Русѣ, подъ вліяніемъ печальныхъ воспоминаній о старыхъ судахъ, когда можно было „затаскать человѣка“, показаніе очень часто носитъ слишкомъ личный характеръ вслѣдствіе пугливаго отношенія свидѣтеля къ происходившему предъ нимъ и желанія избѣжать возможности видѣть и слышать то, о чемъ, можетъ быть, придется показывать потомъ на судѣ. Изложеніе обстоятельствъ, по отношенію къ которымъ рассказчикъ старался *избѣжать* положенія свидѣтеля, обращается незамѣтно для него самого въ изложеніе того, что онъ дѣлалъ и думалъ, а не того, что случилось предъ нимъ.

Въ полной противоположности съ такимъ показаніемъ находится то, въ которомъ свидѣтель старается понять значеніе явленія и, не останавливаясь долго на его подробностяхъ и мелочахъ, стремится уяснить себѣ смыслъ и важность того и другого событія. Человѣкъ, дающій такого рода показаніе, зачастую совершенно не задумы-

нается надъ тѣмъ, въ какомъ отношеніи къ нему самому находится то или другое обстоятельство, и съ большой легкостью изъ наблюдателя становится мыслителемъ по поводу созерцаемаго или услышаннаго. Такой свидѣтель, опредѣливъ точно, вѣрно, и иногда вполне объективно главные черты событія, сами собою слагающіяся въ извѣстный выводъ,—не можетъ, однако, указать времени происшествія, мѣста, гдѣ онъ самъ находился, своихъ движеній и даже словъ. Но этого нельзя объяснить простой разсѣянностью или невнимательностью свидѣтеля въ его обычной, повседневной жизни, и считать его человѣкомъ „не отъ міра сего“. На простую и привычную обстановку вниманіе его распредѣляется равномерно, но если событіе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій жизни и поражаетъ своею неожиданностью и богатствомъ возможныхъ послѣдствій,—живая работа мысли и чувства свидѣтеля выступаетъ на первый планъ. Способность сосредоточиваться на мелочахъ на время подавляется, и въ памяти свидѣтеля *частное* затемняется *общимъ*, характеръ событія стираетъ его подробности. Опытный судья никогда не станетъ сомнѣваться въ правдивости такого показанія изъ-за того только, что свидѣтель, изложивъ въ подробностяхъ бѣдный впечатлѣніями день, не въ состояніи припомнить многое *лично о себѣ* по отношенію ко дню, полному сильныхъ впечатлѣній. „Этотъ человѣкъ лжетъ,—скажетъ поверхностный и поспѣшный наблюдатель,—онъ съ точностью опредѣляетъ, въ которомъ часу дѣя и гдѣ именно онъ нанялъ извозчика, чтобы ѣхать съ визитомъ къ знакомымъ, и не можетъ опредѣлительно припомнить, отъ кого именно вечеромъ въ тотъ же день, въ которомъ часу и въ какой комнатѣ онъ услышалъ о самоубійствѣ сына или о трагической смерти жены“... „Онъ говоритъ правду,—скажетъ опытный судья,—и эта правда тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ больше различія между обыкновеннымъ фактомъ и потрясающимъ событіемъ, между обычнымъ спокойствіемъ послѣ перваго и ошеломляющимъ вихремъ втораго“...

Вниманіе (и память, на немъ основанная) *разсѣянное* есть то, которое не можетъ сосредоточиться на одномъ предметѣ, а развлекается цѣлымъ рядомъ побочныхъ обстоятельствъ. Мысль и наблюденія человѣка, обладающаго такимъ вниманіемъ, никогда не имѣютъ прямого направленія, а заходятъ въ стороны, задѣваютъ второстепенныя данныя, иногда ничѣмъ не связанныя съ предметомъ, который первоначально привлекалъ вниманіе. Нужно не мало терпѣнія и снисхожденія къ свидѣтелю, повѣствованіе котораго идетъ ломаной линіей и постоянно отвлекается въ сторону,—чтобы спокойно выслушивать все ненужное и сохранять нить Аріадны въ лабиринтѣ словесныхъ отступленій и экскурсій по сторонамъ. Таковы свидѣтели,

начинающіе свое повѣствованіе „ab ovo“, не упускающіе случая передать подробныя біографическія о себѣ или другихъ свѣдѣнія и вообще отдающіеся безотчетно и безгранично своимъ воспоминаніямъ; при этомъ изъ существеннаго, случайнаго и второстепеннаго получается въ ходѣ ихъ мышленія одна безформенная масса безъ всякой перспективы. Типъ подобныхъ рассказчиковъ настолько извѣстенъ и, къ сожалѣнію, такъ часто встрѣчается, что нѣтъ нужды приводить примѣры. Но наша русская жизнь представляетъ одну характерную особенность, на которую нельзя не указать. Это—любовь къ генеалогіи и семейнымъ свѣдѣніямъ, тягостная какъ со стороны слушателя, предлагающаго вопросы изъ этой области, такъ и со стороны рассказчика, прибѣгающаго къ невужнымъ подробностямъ. Случается, что рассказчикъ, взволнованный какимъ-нибудь особеннымъ событіемъ, сжато и послѣдовательно передавая о немъ, бываетъ вынужденъ назвать то или другое имя. Горе ему, если среди слушателей есть человѣкъ съ разсѣяннымъ вниманіемъ... Такой человѣкъ способенъ, среди общаго напряженнаго вниманія слушателей, прервать самое существенное мѣсто повѣствованія и изложеніе внутренняго смысла событія или значенія его, какъ общественнаго явленія, и спросить: „это какой NN? тотъ, что женатъ на MM?“ или: „это, вѣдь, тотъ NN, который, кажется, служилъ въ кирасирскомъ полку?“ или: „а знаете, я вѣдь съ этимъ NN ѣхалъ однажды на пароходѣ. Это, вѣдь, онъ женился на племянницѣ М. М., который управлялъ Казенной Палатой? — гдѣ только — не помню... азъ, да! въ Пензѣ или... нѣтъ, въ Тамбовѣ... Нѣтъ, нѣтъ!.. вспомнилъ! — именно въ Пензѣ... а братъ его...“ и т. д. Когда человѣкъ съ такимъ разсѣяннымъ вниманіемъ, направленнымъ на мелкія, незначущія подробности, становится свидѣтелемъ на судѣ, онъ нерѣдко плохо отдаетъ себѣ отчетъ о сущности и центрѣ тяжести своего рассказа. Въ большинствѣ случаевъ умственно ограниченный, педантично исполнительный въ служебномъ или свѣтскомъ обиходѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ полный самодовольства, такой рассказчикъ, помимо экскурсій въ область брачныхъ и родственныхъ отношеній, отличается еще особенной точностью въ названіяхъ и топографическихъ подробностяхъ. Онъ не назоветъ человѣка просто по фамиліи, а непременно прибавитъ чинъ, имя и отчество, не скажетъ: Петербургъ, Нижній, „Исакій“, Синодъ, конка, а всегда—Санктъ-Петербургъ, Нижній-Новгородъ, храмъ Исаакія Далматскаго, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, конно-железная дорога и т. д.

Показанія подобнаго рода свидѣтелей могутъ сразу показаться полными и точными, но эта полнота лишь кажущаяся. Педантическое усвоеніе себѣ подробностей, этихъ „выпушекъ и петличекъ“

свидѣтельскаго показанія, не даетъ вниманію возможности сосредоточиться на главномъ и единственно нужномъ. Въ нѣкоторыхъ мемуарахъ разсказывается, что въ прежніе годы воспитанникамъ закрытыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній подавали пирожки, которые, при большихъ размѣрахъ, оказывались внутри почти пустыми. Воспитанники прозвали ихъ „пирожками съ ничѣмъ“. Съ этими „пирожками съ ничѣмъ“ можно сравнить часто очень подробныя и вполне корректныя показанія свидѣтелей, достигшихъ успѣха въ изощреніи разсѣянной памяти. Опытному судѣ всегда будетъ предпочтительнѣе не полное въ подробностяхъ, съ пробѣлами и „запамятованіями“ показаніе свидѣтеля, живо воспринимающаго и различно отзывающагося на впечатлѣнія не одинаковой цѣнности.

Вниманіе можетъ направляться или на процессъ дѣйствій, явленій и собственныхъ мыслей, или же на конечный ихъ результатъ, — такъ сказать, на итогъ ихъ. Способъ изложенія обыкновенно чрезвычайно ярко выражаетъ это. Одни свидѣтели, передавая видѣнное и слышанное, неизбѣжно излагаютъ все въ порядкѣ послѣдовательности; другимъ же, наоборотъ, хочется скорѣе сказать главное. Первыхъ — при допросѣ — приходится нерѣдко просить сократить свой разсказъ, вторыхъ же — приходится отъ конечнаго итога ихъ разсказа возвращать къ подробностямъ мѣста, времени, обстановки и т. п. Но, дѣлая это, не надо забывать осторожности, особенно со свидѣтелями перваго рода, такъ какъ склонность къ процессуальному изложенію обыкновенно бываетъ связана еще съ другими свойствами или, вѣрнѣе, привычками, при чемъ свидѣтель усиленно цѣпляется за послѣдовательность и постепенность впечатлѣній и путается въ воспоминаніяхъ, если только эта послѣдовательность нарушается чѣмъ-нибудь извнѣ. Эти же свойства и особенности рассказчика проявляются обыкновенно и въ томъ, какъ онъ *слушаетъ*. Есть люди, умѣющіе цѣнить логическую и психологическую нить повѣствованія, отдѣльныя части котораго, строго связанныя между собою, содѣйствуютъ нарастанію настроенія, достигающаго своего апогея въ заключеніи, въ освѣщающемъ и осмысливающимъ все событія, картинѣ или лирическомъ порывѣ; — но есть и другіе слушатели — нетерпѣливые, жаждущіе скорѣйшей „развязки“, высказывающіе о ней *догадки во всеуслышаніе* или задающіе досадные вопросы... Среди читателей, преимущественно между женщинами, есть такіе, которые, начиная чтеніе повѣсти или романа, заглядываютъ прежде всего въ послѣднюю главу, желая узнать, чѣмъ и какъ все окончилось. Бываютъ и свидѣтели, подобные такимъ читателямъ.

Есть, наконецъ, два рода вниманія сообразно со способностью души реагировать на внѣшнія впечатлѣнія. *Одни* съ полнымъ самообладаніемъ и вполне объективно какъ бы регистрируютъ то, что приходится видѣть или слышать, и внутреннюю, душевную переработку всего этого начинаютъ лишь тогда, когда прекратилось внѣшнее воздѣйствіе на ихъ слухъ или зрѣніе. У такихъ людей все, воспринятое ими, сохраняетъ въ памяти большую ясность и не страдаетъ пробѣлами, являющимися результатомъ перерывовъ вниманія. Это тѣ, которые, „научившись властвовать собою“, по образному выраженію великаго поэта, умѣютъ „держать мысль свою на привязи“ и „усыплять или давить въ сердцѣ своемъ мгновенно прошипѣвшую змѣю“. Не то бываетъ съ *другими*, которые отдаются во власть своимъ душевнымъ движеніямъ. Сразу и безусловно завладѣвая ими, эти движенія прежде всего поражаютъ вниманіе. Нельзя здѣсь говорить о забывчивости человѣка или недостаткѣ вниманія: послѣднее просто не существуетъ вовсе — оно *парализовано*. Таковы люди, по выраженію того же Пушкина, „оглушенные шумомъ внутренней тревоги“, тѣмъ шумомъ, который дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на способность вдумываться въ окружающее и даже просто замѣчать его. Въ такомъ положеніи зачастую бывають потерпѣвшіе отъ преступленія, которыхъ допрашиваютъ въ качествѣ свидѣтелей,—бываетъ очень рѣдко и подсудимый, искренно желающій быть добросовѣстнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ о своемъ преступленіи, о своемъ несчастіи... Чѣмъ внезапно впечатлѣніе, вызывающее сильное душевное движеніе, тѣмъ болѣе оно овладѣваетъ вниманіемъ и тѣмъ быстрѣе *внутреннія* переживанія заслоняють собою *внѣшнія* обстоятельства. Весьма рѣдкіе изъ подсудимыхъ, совершившихъ преступленіе подъ вліяніемъ аффекта, въ состояніи изложить подробности *рѣшительнаго момента*, но это не мѣшаетъ имъ помнить быструю смѣну и перекрещиваніе въ ихъ душѣ мыслей, образовъ, чувствъ—до сдѣланнаго ими удара, до оскорбленія, выстрѣла, до расправы ножомъ.

Зачастую человѣкъ, отличающійся сильной душевной воспримчивостью, бывающій во власти такъ называемой *вспыльчивости* (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ *запальчивостью*, являющеюся состояніемъ не внезапнымъ, а нарастающимъ, питающимъ само себя, подобно ревности), изъ *потерпѣвшаго* въ началѣ столкновенія становится *преступникомъ* въ концѣ его. Если, однако, онъ овладѣлъ собою послѣ вспышки и затѣяннаго гнѣва и подавилъ въ себѣ мстительное движеніе, его вниманіе тѣмъ не менѣе въ большинствѣ случаевъ дѣйствуетъ лишь до опредѣленнаго момента, а затѣмъ являються отдѣльные проблески, не имѣющіе между собой связи. Оскорби-

тельное слово, угрожающій жестъ, вызывающая поза, питающіе давленіишее негодованіе, тайную ненависть, прочно сложившееся презрѣніе,—заставляютъ взоръ и слухъ „вспыльившаго“ обращаться *внутрь* и терять способность воспринимать *внѣшнее*. Этимъ надо объяснить то, что возмущенный до послѣдней степени обиженный не тотчасъ же „выходитъ изъ себя“ послѣ оскорбленія, а лишь спустя нѣкоторое время, въ теченіе котораго обидчикъ успѣлъ уже спокойно обратиться къ другому разговору или занятію. Это затишье передъ грозой. Внезапно прорывается въ самой рѣзкой формѣ протестъ противъ словъ, движеній, личности обидчика. Не слѣдуетъ думать, что человѣкъ, промолчавшій первоначально и только черезъ извѣстный промежутокъ времени проявившій свое негодованіе крикомъ, явступленіемъ, ударами, могъ въ этотъ перерывъ наблюдать и направлять на что-либо свое вниманіе... Въ такой моментъ онъ ничего не видитъ и не слышитъ: онъ весь во власти охватившаго его вихря внутреннихъ вопросовъ: „да какъ онъ смѣетъ?! да что же это такое? да неужели я это перенесу?“ и т. д. Но если даже ему удастся овладѣть собою, принявъ рѣшеніе пропустить слышанное „мимо ушей“ или представившись непонявшимъ изъ уваженія къ той или иной обстановкѣ или въ расчетъ на будущую месть, требующую еще обдумыванія, потерпѣвшему все-таки требуется столько силъ на внутреннюю борьбу съ закипѣвшими въ немъ чувствами, что его вниманіе *на время* совсѣмъ подавлено. Этимъ объясняются разныя неловкости или отвѣты невольно внезапно оскорбленнаго—что каждому приходилось наблюдать въ жизни. Изъ показаній такого потерпѣвшаго надо брать то, что сохранилось въ его памяти до наступленія внутренней борьбы, и не сомнѣваться въ правдивости его словъ лишь оттого, что вниманіе потомъ измѣнило ему. Но не одинъ потерпѣвшій бываетъ свидѣтелемъ, а и лицо постороннее столкновенію или печальному стеченію обстоятельствъ. Если оно не лишено впечатлительности и нервности и одарено способностью чувствовать и страдать, а слѣдовательно и сострадать, то видъ нарушеннаго душевнаго равновѣсія въ другомъ—иногда въ близкомъ и дорогомъ человѣкѣ—производитъ на него самое тяжелое впечатлѣніе. Будучи заразительно, волненіе этого человѣка отражается на вниманіи свидѣтеля, ослабляя его или дѣлая его одностороннимъ. Кому не приходилось въ жизни быть въ такомъ положеніи, когда хочется „провалиться сквозь землю“ за *другого* и когда неожиданное душевное смущеніе кого-либо вызываетъ собственную растерянность? Въ такихъ случаяхъ человѣкъ, одаренный чуткимъ сердцемъ, страдая за другого, бессознательно *не хочетъ* быть внимательнымъ...

Сильные приливы чувства, являющіеся результатомъ сложнаго процесса душевнаго переживанія скорби, утраты, разочарованія и т. д. также нужно отнести къ числу причинъ, затемняющихъ въ памяти или устраняющихъ изъ области вниманія отдѣльныя, находящіяся между собою въ связи части того событія, о которомъ приходится свидѣтельствовать. Обращаясь мысленно къ неуловимымъ для посторонняго взора подробностямъ отношеній къ дорогому человѣку, вспоминая невозвратно ушедшій милый образъ во всѣхъ его проявленіяхъ или переживая оказанную кому-либо и когда-либо жестокость или несправедливость — человѣкъ вынужденъ бываетъ остановиться иногда въ самомъ, казалось бы, безразличномъ мѣстѣ своего повѣствованія... Волненіе охватываетъ его, къ горлу подступаютъ слезы и тоска безвыходная и жгучая, уснувшая лишь на время, вновь начинаетъ терзать сердце, а какой-нибудь звукъ или слово, вызывающіе цѣлую цѣпь воспоминаній, такъ овладѣваютъ вниманіемъ, что все послѣдующее погружается въ тѣнь и обрывается вслѣдствіе физической (слезы, дрожь голоса, судороги личныхъ мускуловъ) и нравственной невозможности продолжать рассказъ. Въ подобномъ положеніи, я помню, находилась жена весьма достойнаго человѣка Рыжова, убитаго на глазахъ ея и трехъ маленькихъ дѣтей за то, что онъ вступился за честь обольщенной братомъ жены дѣвушки. Съ достоинствомъ и твердостью защищая честь своего мужа отъ полныхъ клеветы оправданій брата, Рыжова и при слѣдствіи и на судѣ, при повторныхъ показаніяхъ, сравнительно спокойно рассказывала про событіе, но едва она доходила до словъ покойнаго мужа: „стрѣляй, если смѣешь!“, сказанныхъ въ отвѣтъ ея брату, когда онъ угрожалъ стрѣлять, какъ черты ея искажались и, несмотря на всѣ усилія овладѣть собою и не прерывать нити своихъ тяжелыхъ воспоминаній, она не могла продолжать рассказа отъ внезапно подступавшихъ горькихъ слезъ и рыданій.

Къ *исключительнымъ* свойствамъ свидѣтелей нужно отнести особую склонность иныхъ людей обращать исключительное и даже болѣзненное вниманіе на какую-нибудь отдѣльную часть тѣла человѣка, въ особенности же на его *уродливостъ*. Нѣкоторые свое вниманіе направляютъ на глаза человѣка, другіе — на походку, третьи — на цвѣтъ волосъ и т. п. Случается, что люди не въ состояніи сохранить въ памяти черты чьего-либо лица, но одновременно съ этимъ съ большой отчетливостью представляютъ себѣ голосъ того же человѣка, со всѣми его особенностями въ оттѣнкахъ, вибраціи и произношеніи. Свидѣтель, вниманіе котораго привлекаютъ во всей фізіономіи человѣка глаза, опишетъ съ точностью ихъ цвѣтъ, форму и выраженіе, но станетъ втуцки или дастъ неопредѣленный отвѣтъ,

если его спросить, о цвѣтѣ волосъ или о ростѣ обладателя этихъ самыхъ глазъ. Разныя уродливости, какъ косоглазіе, кривоглазіе, горбъ, болѣзненные наросты на лицѣ, шестипалость, проваливавшійся носъ и т. п. производятъ на многихъ особенное, гипнотизирующее впечатлѣніе. Помимо воли и даже противъ желанія взоръ направляется постоянно на этотъ прирожденный или пріобрѣтенный недостатокъ и почти не въ силахъ отъ него оторваться. Нарушеніе иногда безсознательнаго чувства эстетики и стремленія къ симметріи и гармоніи, свойственныхъ человѣку, усиливаютъ протестующее вниманіе, и тогда другія черты и свойства наблюдаемаго человѣка отходятъ на второй планъ и ступшевываются. Изучивъ подробно тѣлосложеніе горбуна или отлично запомнивъ движенія человѣка съ искалѣченными, скрюченными или вообще уродливыми ногами, свидѣтель вполне добросовѣстно можетъ оказаться не въ состояніи сказать что-нибудь объ одеждѣ, цвѣтѣ глазъ или волосъ тѣхъ же самыхъ людей...

Подобная же *связанность* вниманія является и тогда, когда чувство отвращенія или ужаса заставляютъ—наоборотъ—отворачиваться отъ предмета, вызывающаго такое чувство. Есть люди, которые не въ силахъ вставить себя глядѣть на трупъ вообще, а тѣмъ болѣе на трупъ обезображенный, покрытый зіяющими ранами, съ вывалившимися внутренностями и т. п. Вниманіе ихъ привлекается всею, что находится вокругъ и около предмета, наводящаго ужасъ, но съ упорствомъ обходитъ этотъ самый предметъ. Конечно, это не можетъ не отразиться на ихъ показаніяхъ. Бываетъ наоборотъ, что такіе именно предметы производятъ на нѣкоторыхъ то, гипнотизирующее вліяніе, о которомъ упоминалось выше. Чувство ужаса и отвращенія дѣйствуютъ на иныхъ такъ, что они не въ силахъ отвести взора отъ зрѣлища, отъ котораго, по народному выраженію, „тошнитъ на сердцѣ“. Глаза неизмѣнно устремляются къ тягостной и отталкивающей картинѣ и помимо воли память впитываетъ въ себя съ необыкновенной пытливостью и изощренностью подробности, отъ которыхъ возмущается душа и которыми вызывается чувство мурашекъ въ спинѣ и нервная дрожь въ конечностяхъ. Слѣдуетъ признать, примѣняя эти замѣчанія къ свидѣтельскимъ показаніямъ, что обостренность вниманія, направленнаго на картины, вызывающія отвращеніе и ужасъ, роковымъ образомъ ведетъ за собою притупленность вниманія къ побочнымъ и особенно къ послѣдующимъ впечатлѣніямъ. Это, несомнѣнно, отражается на неодинаковой полнотѣ и вѣсѣ различныхъ частей показанія. Однако, не слѣдуетъ усматривать въ этомъ неправдивость свидѣтеля или намѣренное съ его стороны умолчаніе. Часто бываетъ, что о ка-

комъ-либо выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ событій или рѣзкомъ столкновеніи, о полномъ трагизма положеніи или несчастномъ происшествіи имѣются нѣсколько показаній разныхъ лицъ, находящихся внѣшнимъ образомъ въ одинаковыхъ условіяхъ относительно ихъ, они показываютъ каждый неполно, но всѣ вмѣстѣ даютъ, въ своей совокупности, весьма полную, соответствующую дѣйствительности картину. Одинъ изъ свидѣтелей опишетъ всѣ мелочи обстановки, въ которой найденъ трущъ, но не сумѣетъ сказать, въ какомъ положеніи лежалъ убитый, что на немъ было и т. д., другой же расскажетъ подробно про выраженіе лица убитаго, нѣгу на губахъ, были ли глаза открыты или закрыты, въ какомъ направленіи шли раны, какъ расположены и въ какомъ количествѣ кровавыя пятна на бѣльѣ и одеждѣ, въ какомъ положеніи были конечности—но не сможетъ опредѣлить, висѣли ли на стѣнѣ часы, на дверяхъ портьеры, сколько оконъ было въ комнатѣ и т. д. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же предметъ, отталкивая отъ себя вниманіе пернаго свидѣтеля, привлекаетъ вниманіе второго...

Къ *индивидуальнымъ* особенностямъ отдѣльныхъ свидѣтелей, отражающимся на содержаніи ихъ показаній, нужно отнести—помимо разныхъ физическихъ недостатковъ, какъ-то: тугого слуха, близорукости, дальтонизма, амбіопліи и т. п.—также и *пробѣлы* памяти, пополненіе которыхъ невозможно даже при самомъ напряженномъ вниманіи. Прекрасная въ общемъ память бываетъ развита односторонне и можетъ давать на своей прочной и цѣльной ткани трудно объяснимые разрывы при показаніяхъ о спеціальнаго рода предметахъ. Въ эти, если можно такъ выразиться, *дыры памяти* чаще всего проваливаются числа и собственные имена, однако нерѣдко то же самое дѣлается съ внѣшнимъ обликомъ человѣка, съ его фізіономіей. Человѣкъ съ сильной, но дырявой памятью будетъ совершенно напрасно напрягать все свое вниманіе съ цѣлью удержать у себя въ умѣ число или какую-нибудь фамилію или запечатлѣть чье-либо лицо, разбирая отдѣльныя его черты и слясь представить себѣ каждую изъ нихъ отдѣльно и всѣ въ совокупности. Будучи допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля—онъ почти несомнѣнно забудетъ имена и числа, если предъ глазами у него не будетъ бумажки, на которой они записаны; въ житейскомъ же обиходѣ онъ всегда будетъ безсилно недоумѣвать, когда явится необходимость связать то или другое лицо съ опредѣленнымъ именемъ. При этомъ память двойкимъ образомъ коварно отказывается служить: или, удержавъ имя, теряетъ образъ соединенной съ нимъ личности, или, сохранявъ ясное представленіе объ обликѣ, утрачиваетъ безнадежно присвоенное ему прозваніе. Бываютъ другіе случаи

Когда изъ памяти людей одновременно исчезаютъ и личность и имя, но въ то же самое время чрезвычайно отчетливо рисуются жесты, слова, тонъ и звукъ рѣчи, связанные съ этимъ именемъ и личностью. Съ перваго взгляда показаніе свидѣтеля съ такой особенностью памяти можетъ вызвать недоумѣніе и даже недовѣріе, такъ какъ, не зная подобныхъ свойствъ памяти иныхъ людей, нельзя не найти очень страннымъ—какимъ образомъ, передавая, напримеръ, съ мельчайшими подробностями чей-либо рассказъ со всѣми оттѣнками, манерой и даже интонаціями рѣчи, человекъ не въ состояніи назвать имени и фамиліи говорившаго или затрудняется сказать, кто это такой, будучи поставленъ съ нимъ „съ очей на очи“... И тѣмъ не менѣе свидѣтель безусловно правдивъ во всѣхъ подробностяхъ своего показанія и въ ссылкахъ на свою плохую память. Позволю себѣ привести личный примѣръ. Занимая много лѣтъ должность прокурора и предсѣдателя окружнаго суда въ Петербургѣ, я былъ способенъ, по отзыву всѣхъ знавшихъ меня, къ самому тщательному и проникательному вниманію и, тѣмъ не менѣе, всегда былъ „безпамятный“ на имена и лица. Миѣ необходимо было видѣть мною разъ подъ рядъ одно и то же лицо, чтобы при встрѣчѣ узнать его; при этомъ самая небольшая переменна—отпущенная борода, надѣтая шляпа, очки, другой костюмъ—дѣлали изъ этого встрѣченнаго новое и незнакомое лицо въ моихъ глазахъ. То же бывало и съ именами и фамиліями. А между тѣмъ я произносилъ безъ письменныхъ замѣтокъ большія, длившіяся по нѣскольکو часовъ, обвинительныя рѣчи и руководящія напутствія присяжнымъ по самымъ сложнымъ дѣламъ и лишь изрѣдка, въ крайнихъ случаяхъ, пользовался полоскою бумажки съ разными условными знаками. Будучи обязанъ, въ качествѣ предсѣдателя суда, рассказать удаленному изъ залы засѣданія по какой-либо причинѣ подсудимому, что происходило въ его отсутствіе, я, желая, чтобы у подсудимаго были, согласно требованію Судебныхъ Уставовъ, всѣ средства къ оправданію, передавалъ ему на память *все содержаніе* прочитанныхъ въ его отсутствіе протоколовъ и документовъ и излагалъ, повторяя почти дословно, показанія свидѣтелей. И тѣмъ не менѣе я по разъ бывалъ въ неловкомъ положеніи изъ-за своей забывчивости на собственные имена въ такіе моменты процесса, когда наводилъ справки въ свѣскѣ свидѣтелей было не только стѣснятельно, но даже невозможно. Однажды, начавъ обвинительную рѣчь по обширному, длившемуся нѣскольکو дней, дѣлу о подлогѣ нотаріальнаго завѣщанія Сѣдкова, я, несмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ вспомнить фамилію одного свидѣтеля, а между тѣмъ безъ ссылки на это показанія было невозможно обойтись, такъ какъ онъ былъ очень важнымъ изъ *первые*

вызванныхъ въ судъ, по просьбѣ защиты, свидѣтелей. У свидѣтеля на шеѣ была медаль на анненской лентѣ. За эту медаль я и ухватился. Неоднократно возвращаясь къ разбору показанія этого свидѣтеля, правдивости котораго я довѣрялъ безусловно, я сталъ ссылаться, въ самыхъ осторожныхъ и уважительныхъ выраженіяхъ, на этотъ внѣшній признакъ. Во время перерыва засѣданія, послѣ рѣчей защиты, этотъ свидѣтель обратился ко мнѣ въ залѣ для публики, выражая свою крайнюю обиду. „Я, милостивый государь,—говорилъ онъ,—имѣю чинъ, имя, отчество и фамилію; я былъ на государственной службѣ; я не „свидѣтель съ медалью на шеѣ“, какъ вамъ угодно меня называть,—я этого такъ не оставляю!“ Пришлось извиняться, ссылаясь на свою „дырявую“ память и на невозможность справляться во время рѣчи съ дѣловыми отмѣтками. Но „свидѣтель съ медалью“, иронически смѣясь, сказалъ: „ну, ужъ этому-то я никогда не повѣрю; я прослушалъ всю вашу рѣчь и видѣлъ какая у васъ чертовская память—вы чуть не три часа цѣлыя показанія на память говорили, а передъ вами ни листочка! только мою фамилію изволили забыть!—вы меня оскорбили нарочно, и я желаю удовлетворенія“... Нашъ разговоръ былъ прерванъ возгласомъ судебного пристава о томъ, что „судъ идетъ!“—„Я къ вашимъ услугамъ, если вы считаете себя оскорбленнымъ,—сказалъ я, торопясь на свое мѣсто,—и во всякомъ случаѣ сейчасъ же, начиная возраженія защитѣ, публично извинюсь передъ вами и, объяснивъ, что вы считаете для себя обиднымъ имѣть медаль на шеѣ, назову ваше званіе, имя, отчество и фамилію“... „То-есть, какъ же это?! Нѣтъ, ужъ лучше оставьте по-старому и пожалуйста не извиняйтесь—еще хуже, пожалуй, выйдетъ,—нѣтъ, ужъ пожалуйста, прошу васъ“... И инцидентъ, вызванный пробѣломъ памяти, разрешился благополучно...

Въ свидѣтельскихъ показаніяхъ очель важную роль играютъ *бытовые и племенные* особенности свидѣтеля, *языкъ* той среды, въ которой онъ живетъ, и затѣмъ его *обычныя занятія*. Показанія, безусловно добросовѣстные и точныя, данныя по одному и тому же обстоятельству свидѣтелями, принадлежащими къ разному племени, будутъ несомнѣнно сильно отличаться одно отъ другого по формѣ, яркости, сопровождающимъ ихъ жестамъ, по живости передачи. Можно представить себѣ изложеніе событія нанесенія раны „въ запальчивости и раздраженіи“, свидѣтелями котораго сдѣлались случайно обитатель „финскихъ хладныхъ скалъ“ и уроженецъ пламенной Колхиды. Послѣ перекрестнаго допроса рассказъ въ отношеніи фактовъ окажется въ обоихъ случаяхъ тождественъ, но какъ велика будетъ разница въ передачѣ фактовъ, въ отношеніи къ нимъ свидѣтеля, какіе

оттѣнки въ краскахъ! На сѣверянина, съ его спокойнымъ созерцаніемъ, наибольшее впечатлѣніе произведетъ смыслъ дѣйствія обвиняемаго, которое получитъ краткую и точную характеристику („ударилъ ножомъ, кинжаломъ“...); южанинъ проявитъ свою пылкую натуру въ картинномъ описаніи дѣйствія („выхватилъ кинжалъ и вонзилъ его въ грудь“...); въ повѣствованіи любящаго порядка нѣмца-колониста или мирнаго обывателя срединной Россіи будетъ слышаться осужденіе кровавой расправы;—въ показаніи еврея первая впечатлительность передъ такимъ дѣломъ; горецъ или любящій подрагаться обитатель земель старыхъ „сѣверно-русскихъ народо-правствъ“ будетъ рассказывать не безъ нѣкотораго сочувствія „молодцу“, который умѣлъ постоять за себя...

Сказываются также и бытовныя особенности, образъ жизни и родъ занятій. Тѣ, кому, какъ мнѣ, случилось имѣть дѣло со свидѣтелями въ Великороссіи и Малороссіи, несомнѣнно уловили разницу въ формѣ, свободѣ и живости показаній людей, принадлежащихъ къ этимъ двумъ вѣтвямъ русскаго племени. Великороссъ обыкновенно рассказываетъ все, или почти все самъ; малоросса же, въ большинствѣ случаевъ, нужно спрашивать, такъ сказать вытягивая изъ него показаніе. Великороссъ въ своихъ показаніяхъ пользуется обыкновенно *описаніями*, — въ шломъ и неохотно данномъ показаніи малоросса встрѣчаются зато гораздо чаще блестящія тонкихъ и остроумныхъ *опредѣленій*. Въ моихъ воспоминаніяхъ о мировомъ судѣ ¹⁾ я приводилъ примѣры такого остроумія и живой находчивости. Рассказъ простой великорусской женщины, въ большинствѣ случаевъ, болѣе безцвѣтенъ, чѣмъ мужской: въ немъ замѣтна иногда ея забитость и подчиненность; рассказъ же хохлушки, „жянки“ всегда красочнѣе, полнѣе и опредѣленнѣе рассказа мужчины. Это особенно ярко выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по однимъ и тѣмъ же обстоятельствамъ даютъ показанія мужъ и жена. Здѣсь наглядно проявляется бытовая разница семейныхъ отношеній и характеръ взаимной подчиненности супруговъ. Въ Великороссіи жена, давая показаніе, оглядывается на мужа, сидящаго на скамьѣ свидѣтелей;—въ Малороссіи наоборотъ—мужъ поглядываетъ тревожно и подчасъ безпомощно на жену. Стоитъ ли говорить, что городской и сельскій жители, фабричный рабочій и кустарь, чиновникъ и матросъ, поваръ и пастухъ, при рассказѣ объ одномъ и томъ же событіи, подчеркнутъ непременно въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ особенности, которыя находились въ какомъ-либо отношеніи съ ихъ обычными занятіями и родомъ жизни и прошли для другихъ не-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1909.

замѣченными, не привлекая особеннаго вниманія, — или то, что составляетъ большое мѣсто этихъ обычныхъ занятій. Известно, до какой степени у насъ часты и, къ сожалѣнію, по нашей привычной *сентиментальности на чужой счетъ*, недостаточно строго осуждаемы растраты, совершаемыя довѣренными, приказчиками, артельщиками и т. п. лицами, ссылающимися обыкновенно въ свое оправданіе на игру въ карты, на увлеченіе такою покровительствуемою у насъ, развращающею народъ мерзостью, какъ тотализаторъ и т. д.

Мнѣ вспоминается дѣло о растратѣ приказчикомъ денегъ изъ „выручки“ у своего хозяина, разбиравшееся въ семидесятыхъ годахъ въ Петербургскомъ окружномъ судѣ. Какъ „свидѣтель къ оправданію“ (*temoin à discharge*) былъ вызванъ прежній хозяинъ подсудимаго, который, по словамъ послѣдняго, долженъ былъ дать о немъ наилучшую аттестацію. Старичекъ съ сѣдою бородой, въ длинномъ кафтанѣ и въ сапогахъ „бутылками“, будучи введенъ въ залу засѣданія, помолился на образъ, истово поклонился суду и сталъ ждать вопросовъ защитника. — Подсудимый служилъ у васъ? — Этотъ самый: какже служилъ. — Что вы можете сказать о немъ хорошаго? — Да ничего хорошаго, окроимъ дурного! — Подсудимый не того ожидалъ отъ васъ... — Напрасно беспокоился! — Вы, можетъ быть, находите, что молодой человекъ былъ немного легкомысленъ, увлекался, но служилъ въ общемъ честно? — Это вы насчетъ распутства; по этой части другихъ такихъ поискать, но мы въ это не входимъ, а что въ выручку лапу запускалъ, такъ это точно... — Можетъ быть, это были просчеты, ошибки... — Просчеты само собой, а воровалъ безъ просчетовъ. — Это все, что вы можете о немъ сказать? — Да что жъ еще? развѣ, что вотъ такихъ вѣшать мало! — отрѣзалъ старикъ съ ожесточеніемъ и прибавилъ со вздохомъ: отъ такого народа торговать становится невозможно... — Къ этой же категоріи показаній относятся и рассказы, за достовѣрность котораго я, не бывшій лично въ судѣ, однако не ручаюсь. Къ разбирательству дѣла Кронъ и Вестфаль, въ которомъ дѣло шло о поддѣлкѣ французскаго шампанскаго известной фирмы, защитникомъ Спасовичемъ былъ вызванъ, въ качествѣ знатока, опытный виноторговецъ и ему было предложено испробовать спорное шампанское. — Ваше заключеніе — спросилъ его предсѣдатель. — То есть о чемъ же? спросилъ виноторговецъ. — О качествѣ этого шампанскаго сравнительно съ шампанскимъ, несомнѣнно принадлежащимъ французской фирмѣ. — Свидѣтель отпилъ еще, посмотрѣлъ вино на свѣтъ, задумался и потомъ успокоительнымъ тономъ сказалъ: „покупатель выпьетъ!“

Манера свидѣтелей выражатся, ихъ *стиль*, своеобразныя особенности въ пониманіи ими различныхъ словъ бывають источни-

комъ многихъ недоразумѣній и ведутъ иногда къ неправильной оцѣнкѣ добросовѣстности ихъ показаній. Судьѣ необходимо знать мѣстныя выраженія для избѣжанія роковыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заблужденій и ошибокъ. Это важно также и для судебныхъ слѣдователей, въ виду сохраненія картинности и жизненнаго колорита въ самомъ содержаніи записываемаго ими въ протоколъ показанія. Сколько сценъ полныхъ комизма, близкаго, однако, по временамъ къ трагизму, приходилось, видѣть при введеніи судебной реформы въ областяхъ Харьковской и Казанской судебныхъ палатъ! Приѣхавшіе въ качествѣ судей и сторонъ уроженцы столицъ не понимали мѣстнаго значенія словъ „турнуть“, „околѣть“ (озябнуть), „пропасть“ (околѣть) „отмѣниться“ (отличиться), „постовать“ (говѣть), „наджабить“ (вдавить) и т. д.; малороссійской дѣвушкѣ торжественно предлагали вопросъ о томъ, были ли у нея „женихи“ и вызывали тѣмъ негодованіе ея присутствующихъ при этомъ родителей—или въ Пермскомъ краѣ отказывались понимать, зачѣмъ свидѣтельница говорить, что у нея „пропала дочка“ въ то время, какъ дѣло шло объ убитой свиньѣ, или недоумѣвали при заявленіи, что свидѣтель „убѣжалъ на пароходѣ“ въ Сарануль или Казань, когда могъ свободно *уйтати* на пароходѣ, или же угрожали отвѣтственностью за лжеприсягу свидѣтелю, который на вопросъ о томъ, какая была погода въ день кражи, упорно отвѣчалъ, что „ни какой погоды не было“.

Языкъ свидѣтеля очень часто служитъ показателемъ силы его *способности мышленія*. Нерѣдко внѣшняя словоохотливость прикрываетъ скудость соображенія и отсутствіе ясности въ представленіяхъ и обратно—сдержанность, краткость слова бываютъ слѣдствіемъ честнаго къ нему отношенія и сознанія его возможныхъ послѣдствій. Въ людяхъ внѣшней культуры и полуобразованія замѣчается особенная склонность къ пустому многословію. Простой человѣкъ, попробовавшій городской жизни, любитъ выражаться вычурно и употреблять слова въ самыхъ странныхъ и неожиданныхъ сочетаніяхъ, но свидѣтель изъ простонародья на мѣстѣ говорить обыкновенно языкомъ образнымъ, полнымъ силы и оригинальности. На-ряду, на-примѣръ, со слышанными мною выраженіями полуобразованныхъ свидѣтелей о „нанесеніи раны въ запальчивости и разгоряченіи нервныхъ членовъ“, о „страданіи падучею болѣзнию въ совокупности крѣпкихъ напитковъ“, о „невозможности для мѣры опьяненія никакаго Реомюра“ и о „доведеніи человѣка до крайугольныхъ лишеній и уже несомнѣнныхъ послѣдствій“, мнѣ приходилось слышать въ показаніяхъ простыхъ русскихъ людей такіа образныя выраженія и поговорки, какъ: „они уже и дальше вѣхати

собирались, анъ тутъ и мы—*вотъ они!*“, „нашего не остается всего ничего“, „только и осталось, что лечь на брюхо, да спиной прикрываться“, „святымъ-то кулакомъ, да по *окаянной* шеѣ“, „все пропиль! мать ему купила теперь сюртукъ и брюки—ну, вотъ онъ и опять въ пружинахъ“, „да ему, вѣдь, вѣрить нельзя—онъ человекъ воздушный“, „онъ выпивши былъ—у насъ престольный праздникъ, ну онъ и *напрестолился*“. Обвиняемый въ убійствѣ жены, застигнутой на прелюбодѣвіи, Ларіоновъ, между прочимъ, выразился такъ: „какъ увидѣлъ я это, то и говорю себѣ: когда такъ—приходится повѣсить замокъ своей жизни“. Наконецъ, надо отмѣтить свидѣтелей (да и подсудимыхъ), любящихъ щегольнуть иностранными или вошедшими въ моду выраженіями, искажающими нашъ языкъ. „Я убилъ фоментально“, говорилъ въ Казани Нечаевъ, обвиняемый въ убійствѣ и очевидно гдѣ-то наслышавшійся слова „моментально“. Въ 1888 году въ моемъ присутствіи въ Харьковскомъ окружномъ судѣ сознавшійся въ убійствѣ военнаго врача кулиганъ (по-мѣстному *ракло*) рассказывалъ: „идемъ мы съ товарищемъ по Карпову саду, а онъ на ванѣчкѣ ѣдетъ одѣтый въ бѣломъ кителѣ; мѣсяцъ очень ясно свѣтитъ и все обозначаетъ. Я и говорю товарищу: вотъ бы вдарить. — Сынь! отвѣчаетъ товарищъ. — Я и вдарилъ *его* въ спину“...—„Чѣмъ же вы ударили? ножомъ? спрашиваетъ предсѣдатель.—Ножомъ-съ, отвѣчаетъ подсудимый—*обязательно* ножомъ!“ Не могу безъ невольной улыбки не припомнить засѣданія мирового сѣзда, въ которомъ остался очень недоволенъ моимъ прокурорскимъ заключеніемъ одинъ изъ обитателей знаменитой Вяземской лавры близъ Сѣнной. Онъ былъ привлеченъ къ слѣдствію о покушенія на „противоестественное совокупленіе“, но дѣло это по недостаточности уликъ было прекращено судебной палатой, а затѣмъ онъ обвинялся въ двухъ кражахъ въ разныхъ мировыхъ участкахъ и обжаловалъ оба приговора въ мировой сѣздѣ. Давая заключеніе въ сѣздѣ, я полагалъ оба приговора утвердить и постановить общій—согласно закону—*по совокупности*. Когда подсудимому было предоставлено слово, онъ посмотрѣлъ на меня съ мрачнымъ видомъ и сказалъ мнѣ укоризненно: „Нѣтъ, ужъ вы, ваше благородіе, эту самую совокупность оставьте: она уже въ палатѣ прекращена“.

Судебный навыкъ показываетъ, что относительнаго ряда свидѣтелей вужно быть весьма осторожнымъ въ довѣрчивомъ отношеніи къ ихъ показаніямъ, вслѣдствіе бессознательной лжи, которую они допускаютъ, совершенно искренно вѣря въ дѣйствительность того, что говорятъ. Напримѣръ, потерпѣвшіе отъ преступленія всегда и при этомъ часто съ полной добросо-

вѣстностью склонны *преувеличивать* обстоятельства или дѣйствія, въ которыхъ выразилось нарушеніе ихъ имущественныхъ или личныхъ правъ. Особенно часто встрѣчается это въ показаніяхъ потерпѣвшихъ-пострадавшихъ, т. е. у тѣхъ, которые были, такъ сказать, *очевидцами* совершеннаго надъ ними преступленія. Въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ примѣнима пословица „у страха глаза велики“. Опасность, *возникшая* неожиданно, вызываетъ невольное преувеличеніе размѣровъ и формъ, въ которыхъ она являлась; опасность *прошедшая* представляется взволнованному сознанію большею, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, отчасти подъ вліяніемъ того, что она уже прошла. На людей впечатлительныхъ, находящихся уже въ безразличномъ или безопасномъ, по ихъ мнѣнію, положеніи, дѣйствуетъ, какъ извѣстно, самымъ тяжелымъ образомъ внезапно проявившееся пониманіе опасности и тягостныхъ послѣдствій, которыя *могли бы произойти*, и сердце ихъ сжимается отъ *возможнаго въ прошломъ ужаса* такъ же сильно, какъ въ томъ случаѣ, если бы онъ предстоялъ. Вотъ чѣмъ надо объяснять сильныя выраженія при описаніи ощущеній и впечатлѣній и преувеличенія въ опредѣленіи размѣра, быстроты, силы и т. п. Простая палка является въ показаніи дубиной, угроза пальцемъ—подъемомъ кулака, возвышенный голосъ—крикомъ, первый шагъ впередъ—нападеніемъ, всхлипываніе—рыданіемъ, и слова „ужасно“, „яростно“, „оглушительно“, „невыносимо“ встрѣчаются на каждомъ шагу въ описаніи того, что произошло или могло произойти съ потерпѣвшимъ. Сопоставленіе этой, въ большинствѣ случаевъ, неумышленной лжи пострадавшаго съ намѣренной ложью подсудимаго, желающаго оправдать себя на фактической почвѣ или смягчить свою вину, вноситъ нерѣдко юмористическій элементъ въ отправленіе правосудія. Въ Петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось подъ моимъ предсѣдательствомъ дѣло о профессиональной воровкѣ куръ, судившейся уже въ седьмой или восьмой разъ. Зайди на дворъ большого дома въ отдаленной части столицы, она приманила пѣтуха и, накинувъ, по словамъ сидѣвшей у окна въ четвертомъ этажѣ потерпѣвшей, на него мѣшокъ, быстро удалась, но была задержана хозяйкой украденной птицы и городовымъ уже тогда, когда она продавала пѣтуха довольно далеко отъ мѣста похищенія. На судѣ она утверждала, что зашла во дворъ „за нуждою“ и, лишь уходя, замѣтила, что какой-то „ласковый пѣтушекъ“ настойчиво слѣдуетъ за нею, и тогда она взяла его на руки, опасаясь, чтобы его не раздавили при переходахъ черезъ улицы. Потерпѣвшая съ негодованіемъ стала опровергать это объясненіе, заявивъ, что у нея „пѣтушище карактерный“ и ни за кѣмъ бы не пошелъ,

какъ собака. Обѣ такъ и стояли на своемъ. Присяжные рѣшили, что пѣтухъ былъ „характерный“.

Къ той же области бессознательной лжи относится у людей, мыслящихъ преимущественно образами (а такихъ большинство), совершенно искреннее представленіе себѣ душевнаго состоянія тѣхъ лицъ, о которыхъ они говорятъ,—состоянія, съвоящаго въ кажущемся жестѣ, тонѣ голоса, выраженіи лица. Воображая, что другой думаетъ то-то и такъ-то, человѣкъ склоненъ отправляться въ своей оцѣнкѣ всего, что этотъ другой дѣлаетъ, отъ убѣжденія въ томъ, что онъ руководимъ именно такою, а не другою мыслью, что имъ владѣетъ непременно такое, а не другое настроеніе. Подобное представленіе вызываетъ въ обыденной жизни извѣстную реакцію на предполагаемыя мысли другого—и вотъ является сложная и въ большинствѣ случаевъ совершенно произвольная по своему источнику формула дѣйствій: „Я думаю, что онъ думаетъ, что я думаю.., а потому надо поступить такъ, а не иначе“. Отсюда разные эпитеты и прилагательныя, далеко не всегда основывающіеся на дѣйствительности и вытекающіе исключительно изъ представленія, изъ самовнушенія говорящаго. Отсюда „презрительныя“ улыбка или пожатіе плечами, „насмѣшливый“ взглядъ, „вызывающій“ тонъ, „ироническое“ выраженіе лица и т. п., усматриваемыя тамъ, гдѣ ихъ собственно вовсе и не было. Одаренный нѣкоторой живостью темперамента, свидѣтель зачастую даже наглядно представляетъ того, о комъ онъ говоритъ и добросовѣстно выдаетъ кажущееся ему за дѣйствительность. Особенно часто бываетъ это при изображеніи тона выслушанныхъ свидѣтелемъ словъ.

Сюда же, наконецъ, надо отнести рассказы о несомнѣнныхъ фактахъ, передаваемые въ безусловно фантастической формѣ, но замѣчаемой, однако, рассказчикомъ. Таковы, напримѣръ, передача простыми людьми словъ не знающихъ совершенно русскаго языка иностранцевъ при дѣйствительномъ совершеніи послѣдними тѣхъ или другихъ дѣйствій. Наши солдаты и матросы, какъ извѣстно, въ чужихъ краяхъ и въ періоды перемирій на поляхъ битвъ разговариваютъ съ иностранцами, вполне понимая ихъ по-своему.

Но есть *несомнѣнно ложныя по самому своему существу показанія*, которыя надо отличать отъ показаній, данныхъ недостаточно точно или отклоняющихся отъ дѣйствительности подъ вліяніемъ настроенія и увлеченія. Такія показанія по своему происхожденію весьма различны и общаго мѣрила для нихъ не существуетъ. Необходимо выдѣлить изъ нихъ, прежде всего, тѣ, которыя даются подъ вліяніемъ гипнотическихъ внушеній. Рядомъ съ ними можно поставить показанія, даваемые подъ вліяніемъ самовнушенія. Та-

ковы, очень часто, показанія дѣтей. Отсутствіе необходимой критики по отношенію къ себѣ и къ окружающей обстановкѣ при крайней впечатлительности и живости воображенія дѣлаетъ многихъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ наплыва новыхъ ощущеній и идей, жертвами самовнушенія. Принявъ свою фантазію за дѣйствительность, незамѣтно переходя отъ „такъ можетъ быть“ къ „такъ должно было быть“ и затѣмъ къ „такъ было!“, они упорно настаиваютъ на томъ, что кажется имъ совершившимся въ присутствіи ихъ фактомъ.

Есть, наконецъ, область безусловно сознательной и, если можно такъ выразиться, *здоровой* лжи, которая существенно отличается отъ *заблужденія* подъ вліяніемъ притупленія вниманія и ослабленія памяти. То, что мною рассказано выше о показаніи свидѣтеля Иваницкаго въ бракоразводномъ дѣлѣ З—ныхъ, представляетъ яркій примѣръ такой лжи. Въ заключеніе остается указать еще на одинъ видъ сознательной лжи въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, лжи беззащитной и нерѣдко наглой, нисколько не скрывающейся и не заботящейся о томъ, чтобы быть принятою за правду. Есть свидѣтели, для которыхъ явка передъ судомъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, представляетъ своеобразное удовольствіе, давая возможность проивести эффектъ „*roug épater le bourgeois*“, какъ говорятъ французы, или же получить *авансъ* за свое *достоверное* показаніе, не принявъ на себя никакого обязательства за качество его правдоподобности. Такъ, напримѣръ, свидѣтель по громкому дѣлу о подлогѣ милліоннаго завѣщанія Бѣлаяева—Шевелевъ могъ быть типичнѣйшимъ представителемъ сознательной и бьющей въ глаза лжи. Находясь подъ стражей по другому дѣлу, онъ самъ просилъ вызвать его въ судъ, такъ какъ могъ сообщить нѣчто чрезвычайной важности. Введенный въ залу, онъ усѣлся, ссылаясь на боль въ ногѣ, и съ любопытствомъ разсматривая присутствовавшихъ, началъ явно лживый рассказъ, почти въ каждомъ словѣ опровергаемый фактами и цифрами. Стараясь, повидному, разсмѣшить публику и самому потѣшиться, онъ отвѣчалъ на предлагаемые обычные вопросы тономъ ироническаго почтенія, называя предсѣдателя „господиномъ президентомъ“. Онъ съ удивленіемъ спрашивалъ, почему послѣдній заинтересовался вопросомъ о его *вѣроисповѣданіи*, любезно прибавляя: „православный! православный—*roug vous être agréable*“...—объяснилъ, что нигдѣ не *проживаетъ*, ибо „герметически закупоренъ“ въ мѣстѣ своего заключенія, и заявилъ, что судился дважды—одинъ разъ въ Ковенской уголовной палатѣ въ качествѣ таможеннаго чиновника „за содѣйствіе къ водворенію контрабанды“, при чемъ оставленъ въ „сильнѣйшемъ подозрѣніи“, а въ другой—въ Версальскомъ воен-

номъ судѣ за участіе въ возстаніи коммуны, при чемъ приговоренъ „къ разстрѣлу“. „Но приговоръ,—прибавилъ онъ—какъ *быть можетъ* господа присутствующіе изволятъ замѣтить—не приведенъ въ исполненіе“. Въ показаніи своемъ онъ настойчиво утверждалъ, что былъ въ *два часа* дня 4 апрѣля 1866 года на Дворцовой площади, привѣтствуя, вмѣстѣ съ собравшимся народомъ, невредимаго послѣ выстрѣла Каракозова, Государя. На замѣчаніе мое (я былъ обвинителемъ по дѣлу), что покушеніе было совершено въ *четвертомъ* часу, и вѣсть о немъ ранѣе четырехъ часовъ не могла облетѣть столицу, этотъ свидѣтель, хитро прищуривъ глаза и обращаясь къ предсѣдателю, сказалъ: „мнѣ кажется, господинъ президентъ, что для патріотическихъ чувствъ не должно существовать условій *мѣста и времени*“.

Замѣтки мои о *свѣдущихъ людяхъ* составляютъ содержаніе слѣдующей главы воспоминаній.

А. Ѳ. Кови.

